Трудящиеся Советского Союза! Обеспечим претворение в жизнь политики Партии и Правительства, направленной на решительное повышение уровня жизни рабочего класса, колхозного крестьянства, всего нашего народа! Добьемся крутого подъема производства товаров народного потребления!

(Из Призывов ЦК КПСС к 36-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции)

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 129 (3158) Суббота, 31 октября 1953 г. Цена 40 коп.

Да здравствует внешняя политика Советского Союза — незыблемая политика сохранения и упрочения мира, борьбы против подготовки и развязывания новой войны, политика международного сотрудничества и развития деловых связей со всеми странами!

(Из Призывов ЦК КПСС к 36-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции)

В беседе с нашим корреспондентом...

ДВА УРОЖАЯ В ГОД

РОСТОВ-на-ДОНУ. (По телефону). На полях Ростовской опытно-селекционной станции по картофелю и колхоза имени Ленина убран второй в этом году урожай картофеля. Первый из них дал 1 000 пудов с гектара, второй — 600.

Получение двух урожаев картофеля в год на юге, — это большая победа сельскохозяйственной науки.

Корреспондент «Литературной газеты» попросил известного советского селекционера, создавшего ряд урожайных сортов картофеля, проф. А. Лорха прокомментировать полученное из Ростова сообщение.

— Как известно,— заявил проф. А. Лорх,— в южных, жарких районах СССР картофель долгое время давал очень низкие урожаи и, как правило, вырождался. Происходило это потому, что в период образования клубней под влиянием высокой температуры почвы в растении нарушалась нормальная физиологическая деятельность: усиливались окислительные процессы, останавливался дальнейший рост, отмирали отдельные органы и ткани.

Проблема разведения картофеля на юге долгое время занимала советских ученых. После того, как она успешно была решена Всесоюзным селекционно-генетическим институтом под руководством академика Т. Лысенко, предложившим производить посадки не весной, а летом, южные районы стали собирать высокие урожаи, а некоторые даже по два урожая в год.

Кроме этого института, над той же проблемой работали многие наши ученые в разных областях страны. Они разработали несколько методов, дающих возможность выращивать в районах с жарким климатом по два урожая картофеля в год.

Для пробуждения клубней картофеля ростовчане сразу же после уборки первого урожая применили химическое вещество — хиномочевину. Это недорогой и общедоступный препарат из числа ростовых веществ. А в Армении пробуждение клубней к новому росту вызвали тем, что поместили их на некоторое время в ямы, замазанные сверху мокрой глиной, создав там повышенное содержание углекислых газов. В Средней Азии решили эту проблему еще проще — использовали летнюю жару. Об этом следует рассказать более подробно.

В Туркменской ССР имеется населенный пункт Кушка — самая южная и жаркая точка нашей страны. Здесь долгое время вел опыты по выращиванию двух урожаев картофеля в год А. Любимов. Он применил такой метод: когда был выращен первый урожай раннего картофеля, его не стали выкапывать. Поле обильно полили. Под воздействием влаги и большой жары питательные вещества на кустах с зелеными стеблями устремились к клубням, на которых стали образовываться ростки, готовые начать новую жизнь. Тогда рядом с картофельным полем пропахали борозды и начали уборку урожая. Клубни с хорошими, свежими ростками сажали на новом месте, а не успевшие прорасти отбирали на питание. От первой посадки собрали почти 2 000 пудов с каждого гектара, а от второй посадки — осенью еще 1 680 пудов с каждого гектара.

Но возник вопрос: не будет ли картофель, выращенный в Средней Азии, вырождаться, как это было прежде? Оказалось, что нет! За восемь лет в Кушке получили 16 урожаев — и никакого признака вырождения! Клубни вполне пригодны для новых посадок.

Новые киностудии

В коридорах и кабинетах Государственного института по проектированию кинополиграфических предприятий выставлено множество проектов новых киностудий. В ближайшее время предстоит построить и расширить свыше двадцати киносъемочных павильонов.

В Москве, на Ленинских горах, вблизи Дворца науки, в скором времени вырастет крупный комбинат, который сможет выпускать сорок цветных художественных полнометражных фильмов в год.

— Первый корпус Большого Мосфильма,— сообщил корреспонденту «Литературной газеты» главный инженер «Гипрокинополиграфа» В. Дюро,— строительство которого уже развернулось, будет отвечать всем требованиям современного кинопроизводства. В нем разместятся три полностью механизированных съемочных павильона, коллекторы для поточной сборки декораций, репетиционные и просмотровые залы, монтажные комнаты и кабинеты для работы режиссеров, актеров, операторов, художников, гримеров. С пуском нового корпуса производственная мощность киностудии увеличится на девять фильмов в год.

В комплекс вновь строящихся зданий Мосфильма входят еще два трехпавильонных корпуса, отдельный корпус с двумя павильонами для массовых съемок, павильон для трюковых и комбинированных съемок, новая тонстудия с отделом монтажа фильмов, специальный корпус, где будет вестись вся подготовка к съемкам, новый административный корпус, мощные декорационные мастерские. На территории Мосфильма будет находиться и несколько площадок для натурных съемок.

Большие работы предстоят в ближайшее время и в студии Ленфильма. Помимо полной реконструкции и механизации основного корпуса, проект предусматривает сооружение нового съемочного павильона, строительство которого уже началось, отдела декоративно-технических сооружений и других подсобных помещений. Под Ленинградом будут оборудованы специальные площадки для натурных съемок. По проекту после реконструкции Ленфильм сможет вдвое увеличить выпуск картин — до двенадцати в год.

Начинается разработка проекта реконструкции Тбилисской киностудии, которая пополнится двумя новыми павильонами и сможет выпускать до семи фильмов в год.

В будущем году будут закончены рабочие чертежи трех новых киноцентров — в Минске, Баку и Риге. По проекту каждый из них рассчитан на производство пяти полнометражных цветных художественных, документальных и хроникальных фильмов. Начинается разработка проекта Сталинабадской киностудии, которая сможет выпускать два цветных фильма в год.

В здравницах страны

В лесах Подмосковья, на Черноморском побережье, в живописнейших местах Украины, там, где летом звенели ребячьи голоса, появилась новая смена отдыхающих — взрослые. Помещения многих пионерских лагерей на осенний период переоборудованы в дома отдыха. Центральные комитеты профсоюзов открыли свыше двадцати таких здравниц на Кавказе, в Крыму, под Москвой. Нефтяники отдохнули в Анапе, машиностроители — в Геленджике, железнодорожники — в Одессе.

Это хорошее начинание профсоюзов, можно надеяться, прочно войдет в жизнь. Как сообщили нашему корреспонденту в Центральном управлении курортов, санаториев и домов отдыха ВЦСПС, пустующие дачи пионерских лагерей будут использованы в дальнейшем не только осенью, но и зимой. Несколько таких домов отдыха откроются этой зимой.

За десять месяцев нынешнего года почти два с половиной миллиона трудящихся провели свой отдых в 1 300 санаториях, домах отдыха и профилакториях ВЦСПС и центральных комитетов профсоюзов; до конца года в них побывает еще сотни тысяч человек.

Большие работы идут сейчас на Ливадийском курорте в Крыму. В сентябре, как известно, открылся новый санаторий ВЦСПС на четыреста мест во дворце «Ливадия». Здесь же откроются еще два санатория. В 1954 году «Ливадия» примет одновременно тысячу отдыхающих.

В будущем году приток трудящихся в профсоюзные здравницы значительно возрастет. К весне откроются двери многих вновь выстроенных санаториев и домов отдыха.

Великая забота о народе

Новостройки легкой промышленности

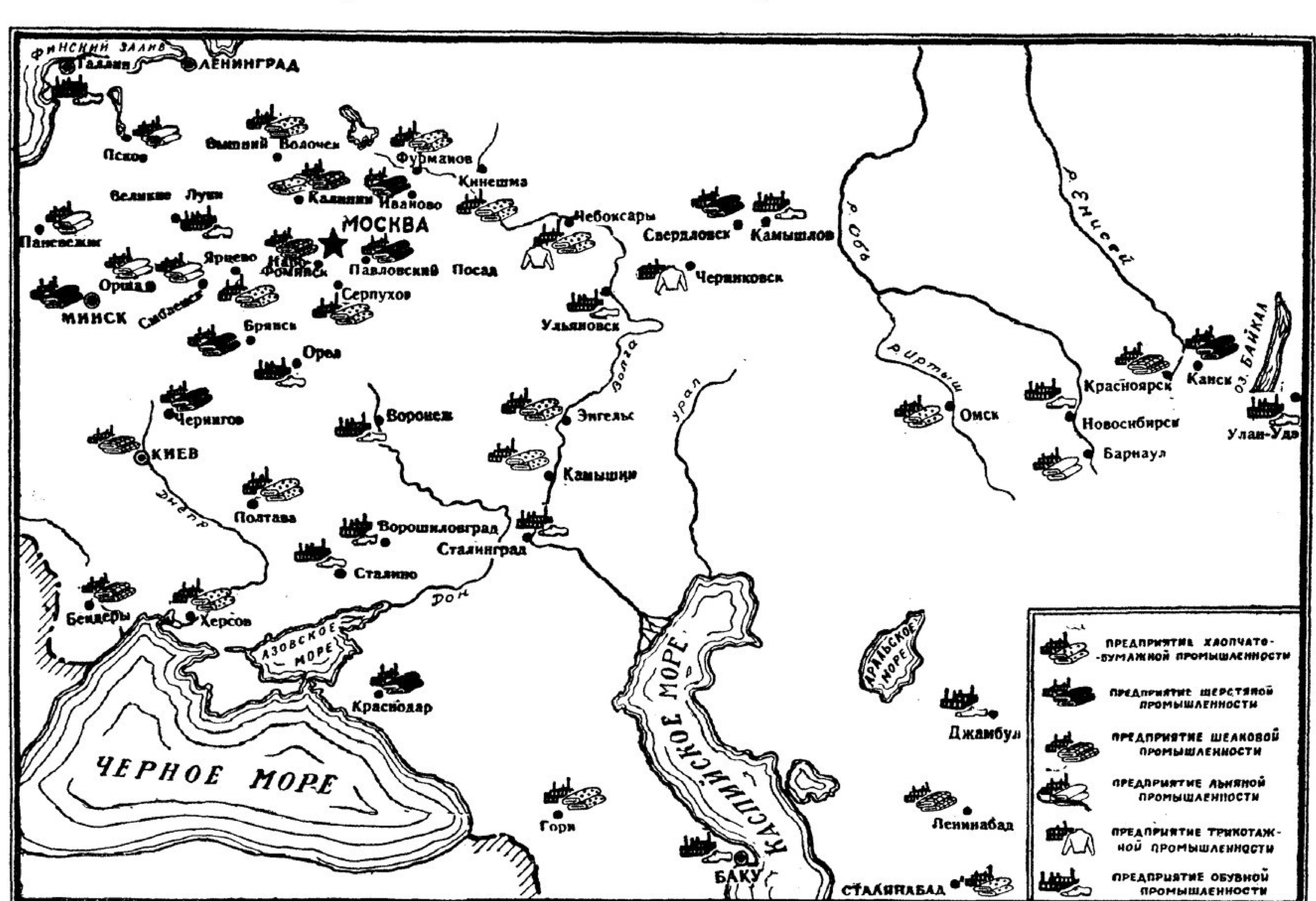

Рис. художника М. КИСЕЛЕВОЙ

Опубликованные на этих днях два важнейших документа — Постановления Совета Министров СССР и Центрального Комитета КПСС — о расширении производства промышленных товаров широкого потребления и продовольственных товаров и улучшении их качества являются развернутой программой повышения жизненного уровня народа. Программа эта — поистине грандиозная и невиданная в истории какого-либо другого государства. В течение двух-трех лет предстоит не только расширить и реконструировать многие тысячи предприятий, выпускающих промышленные и продовольственные товары, но и построить огромное количество новых фабрик, заводов, комбинатов. Причем многие из них по своим мощностям превзойдут самые крупные уже существующие предприятия.

На карте, которую мы сегодня помещаем, обозначены лишь места, где строятся новые крупнейшие предприятия текстильной, трикотажной и обувной промышленности. Это — хлопчатобумажные комбинаты в Камышине, Энгельсе, Херсоне, Барнауле, Сталинабаде, Гори, Чебоксарах, Ярцеве, Омске, Калинине, Серпухове, Фурманове, Кинешме, Вышнем Волочке и Полтаве; предприятия шерстяной промышленности — в Минске, Брянске, Краснодаре, Иванове, Свердловске, Канске, Чернигове и Павловском Посаде; шелковой промышленности — в Краснодаре, Бендерах, Киеве (Дарница), Наро-Фоминске, Калинине, Ленинабаде; льняные фабрики — в Смоленске, Орше, Пскове, Паневежисе; трикотажные — в Чебоксарах и Черниковске; кожевенно-обувные — в Ульяновске, Улан-Удэ, Великих Луках, Джамбуле, Ворошиловграде, Таллине, Новосибирске, Сталино, Сталинграде, Орле, Воронеже, Камышлове и Баку. Эти предприятия войдут в действие в ближайшие годы и станут выпускать для советских людей сотни миллионов метров тканей, десятки миллионов штук трикотажных изделий, миллионы пар обуви. Никогда ранее легкая промышленность страны не вводила в строй таких крупных мощностей в столь короткие сроки.

На карте указаны только крупнейшие новостройки Министерства промышленных товаров широкого потребления СССР. Если бы нанести на карту и другие сооружаемые ныне в стране фабрики и заводы для производства разнообразнейших промышленных товаров народного потребления, а также реконструируемые, они усеяли бы всю ее поверхность,— их около 1200! А сколько новых предприятий будет построено в этом же году для увеличения производства продовольственных товаров! Вот далеко не полный их список: 144 предприятия по переработке мяса, 720 маслодельных, сыродельных заводов и заводов по первичной переработке молока, 100 городских молочных заводов, 16 молочноконсервных заводов, 20 цехов по рафинированию растительного масла, 10 крупнейших масло-жирокомбинатов, 12 маргариновых заводов, 25 сахаро-песочных и 9 сахаро-рафинадных заводов и множество других предприятий, вырабатывающих самые различные продукты питания. Только в будущем году на это строительство выделяется восемь с половиной миллиардов рублей — почти в два раза больше, чем расходуется в этом году.

Так осуществляется перелом в деле строительства и расширения предприятий промышленности, вырабатывающей товары и продукты широкого потребления.

Ежедневно миллион метров ткани

Текстильный комбинат, который строится у Камышина, будет самым крупным в стране предприятием хлопчатобумажной промышленности. На его территории разместятся четыре текстильные и три отделочные фабрики, оборудованные современными автоматическими машинами. Мощность одного только прядильного парка почти достигнет аналогичной мощности всех текстильных предприятий Иванова!

Здесь, в Камышине, будет ежедневно вырабатываться около миллиона метров ткани. Этого достаточно, чтобы сшить платья для двухсот тысяч советских людей.

Расширяется ассортимент тканей.

Намечено, например, выпускать вельвет в рубчик, сатин, гладкокрашеную тафту, батист, ситец, фланели различных цветов. Большим спросом покупателей пользуется полубархат нежных светлых тонов. Комбинат будет выпускать 38 миллионов метров такого полубархата в год.

Мы побывали на строительной площадке комбината. Здесь широким фронтом ведется строительство жилищ. Сдано уже более пятидесяти многоэтажных благоустроенных домов, открыты магазины, парикмахерские, столовые, кинотеатр, школа, библиотека. Начинается работа на основных производственных участках.

Коллектив строительства дал обязательство в будущем году пустить первую очередь цехов, а в 1955 году приступить к производству тканей на всех фабриках.

КАМЫШИН. **(Наш спец. корр.).**

На окраине Минска

Вправо от шоссе, идущего из Минска в Лощицу, поднимается громадная железобетонная крыша. Внизу снуют тягачи, бульдозеры, зычно сигналя, пробегают самосвалы. И над всей строительной площадкой, как маяки, возвышаются башенные краны.

Здесь строится Минский камвольный комбинат.

К строительной площадке подведена железнодорожная ветка. Сейчас по ней подвозят строительные материалы, а в 1955 году отсюда, во все концы страны, пойдут эшелоны, груженные бостоном, габардином, коверкотом, трико и другими добротными шерстяными тканями — девять миллионов метров в год!

Уже сейчас отчетливо вырисовываются контуры производственного корпуса комбината, занимающего площадь почти в шесть гектаров. Кроме главного корпуса, сооружаются складские помещения, центральные ремонтные мастерские, и другие подсобные предприятия.

Несмотря на грандиозный объем работ, людей на строительной площадке видно немного. Здесь широко применяют сложные механизмы, самые передовые методы промышленного строительства.

А недалеко от комбината поднимаются кварталы рабочего поселка. Многие здания — в строительных лесах. Пройдет немного времени, и в поселке вырастут многоквартирные дома, будут построены поликлиника, школы, детские сады, ясли, рабочий клуб, комбинат бытового обслуживания рабочих.

Хорошо встречают строители тридцать шестую годовщину Великого Октября. Сентябрьский план выполнен почти на 120 процентов. Многие бригады ежедневно выполняют по полторы-две нормы.

МИНСК. **(Наш корр.).**

Киевский шелк

В Дарнице — заречном индустриальном районе столицы Украины — строится крупнейший шелковый комбинат. Он уже дает большое количество продукции.

Комбинат вырабатывает ткани, пользующиеся широким спросом у потребителя. Это — полотно и шотландка для мужских сорочек, гладкий и набивной креп-жоржет для дамских блузок и платьев, креп-сатин, креп-гранит, штапельное полотно, подкладочные ткани, московский креп — плотная тяжелая ткань, по внешнему виду весьма схожая с шерстью.

— После окончания строительства в конце 1955 года,— сообщил главный инженер комбината Г. Филатов,— наш комбинат станет выпускать еще больше тканей. Сейчас достраиваются огромные здания ткацкого, красильно-отделочного и крутильного цехов, чтобы разместились еще сотни станков. Комбинат будет выпускать 28 миллионов метров тканей в год.

КИЕВ. **(Наш корр.)**

Фабрика строится и работает

На прилавке магазина лежит несколько пачек мужских носков серого и светло-бежевого цвета, перехваченных бумажными упаковочными лентами. На лентах надпись: «Город Смоленск». Это первая продукция нового предприятия легкой промышленности—чулочно-трикотажной фабрики, которая... еще строится.

Корпуса фабрики возводятся на левом берегу Днепра, возле древней кремлевской стены. Фабрика еще не числится в списке действующих предприятий; пройдет год, пока с ее конвейера будет ежедневно сходить 60 тысяч пар чулочно-носочных изделий.

Раньше, как правило, бывало так: сначала строители заканчивали возведение корпусов, затем начинался так называемый пусковой период — освоение производственных процессов и оборудования.

Теперь, стремясь как можно быстрее дать потребителю готовые изделия, на смоленской фабрике стали заранее готовить кадры и буквально вслед за строителями монтировать оборудование основных цехов. Еще в строительных лесах основное здание котельной, еще не воздвигнуты стены административного корпуса и других помещений, а в главном здании начался выпуск готовых изделий.

Фабрика будет производить женские шелковые чулки и чулки из волокна «капрон» с фигурной контурной пяткой, а также мужские носки с рельефными рисунками и ввязанными в их верхнюю часть резиновыми жилками, которые заменят подвязки.

Уже отправлена за пределы области первая партия изделий.

СМОЛЕНСК. **(Наш корр.)**

В цехах „Пролетарки“

На одной из окраин Калинина, по обе стороны небольшой реки Тьмаки, впадающей в Волгу, широко раскинулись цехи известного в стране хлопчатобумажного комбината «Пролетарка». Ныне комбинат расширяется и оснащается новейшей техникой. Заканчивается строительство новой ткацкой фабрики, начинается строительство новой прядильной. В будущем году закончится реконструкция отделочной фабрики.

В течение года — двух «Пролетарка» превратится в одно из самых крупных предприятий страны по выпуску ткани. Она будет производить ежедневно до одного миллиона метров ткани — столько, сколько должен давать строящийся Камышинский комбинат.

Это будут ткани самых высоких и ходких сортов. В управлении комбината нас ознакомили с будущим ассортиментом. Покупатель получит, например, штапельный шелк, выпускаемый в виде полотна и штапельной саржи. Они составят примерно треть всей продукции комбината.

Многое уже сделано для увеличения выпуска продукции и улучшения ассортимента. Сняты с производства ткани, не пользующиеся спросом населения. Они заменяются новыми, лучшего качества. Коллектив ситцевой фабрики увеличивает выпуск набивных товаров, сатина светлых и ярких расцветок, асты и других тканей. Освоен выпуск бельевой и простынной бязи. Фабрика получает оборудование, которое даст возможность выпускать штапельное полотно более разнообразных расцветок и улучшенного качества.

КАЛИНИН. **(Наш корр.)**

Международные отклики

ВОКРУГ ИРАНСКОЙ НЕФТИ

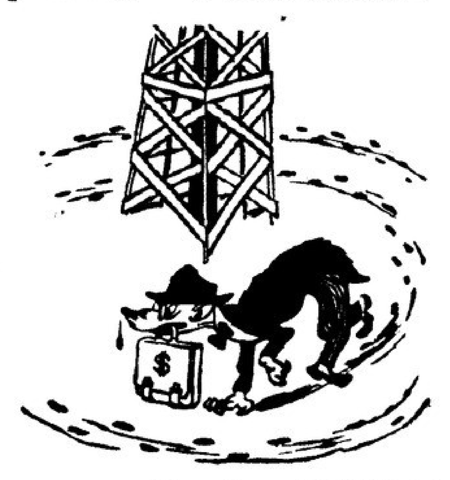

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Давнишняя борьба нефтяных монополий США и Англии из-за иранской нефти, ведущаяся то явно, то тайно, но никогда не прекращающаяся, в последние недели приобрела особенно острый характер. Одним из важных симптомов этого служит визит, нанесенный в Тегеран во второй половине октября Гербертом Гувером, сыном бывшего американского президента. Гувер-младший занимает пост советника государственного секретаря США по международным нефтяным проблемам.

Согласно заявлению госдепартамента, Герберт Гувер направился в Иран в качестве официального представителя Вашингтона, выполняющего правительственное поручение. Однако некоторые органы иностранной печати утверждают, что Гувер в действительности является посланцем нефтяных компаний США, с которыми он тесно связан. По свидетельству тегеранской газеты «Роушанфекр», Гувер-младший является президентом правления одного из крупных обществ по разведке нефти, на службе которого находится около 1000 инженеров, работающих в 37 странах капиталистического мира.

В современной американской действительности очень трудно, а подчас невозможно провести грань между государственным деятелем и бизнесменом. Поэтому, как бы ни рассматривали мистера Гувера — официальным ли уполномоченным или посланцем нефтяных дельцов, — существо его миссии от этого не меняется. Кстати говоря, зарубежная печать прямо связывает особую заинтересованность государственного департамента в нефтяных делах Ближнего Востока, и, в частности Ирана, с тем фактом, что возглавляющий этот департамент Джон Фостер Даллес является членом правления «Стандард ойл оф Нью-Джерси» — одной из крупнейших монополий «нефтяной империи» Рокфеллера.

Визиту Гувера-младшего в Иран предшествовала продолжительная и тщательная подготовка.

Как известно, реакционная печать США цинично приветствовала переворот в Иране и свержение правительства Мосаддыка, открыто заявляя, что теперь-де создана «почва» для «урегулирования» нефтяного вопроса в духе, желательном Вашингтону. Заокеанская печать немедленно стала требовать, чтобы «почва» в Иране была «унавожена долларами» в обмен на определенные политические обязательства Ирана перед Вашингтоном и прежде всего в отношении нефтяной проблемы.

Прекрасно понимая, что нынешняя ситуация исключает возможность установления открытого единоличного контроля США над иранской нефтью, американская дипломатия считает наилучшим для данного момента такое решение: создание «международной компании» для эксплуатации нефтяных богатств Ирана при некотором участии Англии, но при решающей роли США.

Эти претензии с предельной откровенностью выражены одним из наиболее влиятельных органов Уолл-стрита — газетой «Джорнэл оф коммерс». По сообщению этой газеты, государственный департамент имеет «временный план» возобновления добычи и сбыта иранской нефти, который предусматривает создание «совета опекунов» из числа людей, пользующихся «высокой международной репутацией» (!). Но одних лишь империалистических «опекунов» иранской нефти с их «международной репутацией» недостаточно. Как разъясняет «Джорнэл оф коммерс», непосредственно добычей и продажей нефти займутся, конечно, американские и английские компании, получив на это благословение «совета опекунов»...

При этом выясняется, что самозванные наследники Англо-иранской нефтяной компании не будут пользоваться равными правами. Касаясь английских правящих кругов, требующих, чтобы Англия вновь принимала активное участие в нефтяных делах Ирана, «Джорнэл оф коммерс», проявляя поразительную проницательность, указывает, что «даже минимальная возможность непосредственного возвращения англичан в Иран фактически исключена...» Поэтому, продолжает газета, господствующая роль по необходимости «должна принадлежать американцам».

Так обстояли дела накануне прибытия Гувера-младшего в Тегеран. И хотя в официальном заявлении государственного департамента утверждается, что Гувер не везет с собой никакого конкретного плана «урегулирования» и что он якобы намерен лишь «ознакомиться с положением на месте», в действительных целях его миссии не приходится сомневаться. Как сообщает радио Карачи, посланец нефтяных магнатов США представил иранскому правительству проект предложений относительно «урегулирования» нефтяного вопроса. Тегеранская газета «Дад» добавляет к этому, что вскоре после Гувера в Иран прибудет специальная американская делегация, которая вместе с представителями иранского правительства подготовит окончательный проект соглашения и представит его английскому правительству.

Ясно, что подобная процедура принятия решений по вопросу о нефти Ирана воспринимается в Лондоне с повышенной нервозностью. Английские правящие круги явно предпочли бы найти решение нефтяного вопроса путем прямых переговоров с иранским правительством, без американского «посредничества». Сейчас же, как признает «Джорнэл оф коммерс», Англия опасается таких действий со стороны Вашингтона, которые могли бы предоставить американской компании или группе компаний «твердо установленные интересы» за счет Англо-иранской нефтяной компании.

Подобные попытки американской дипломатии, несомненно, приведут лишь к обострению противоречий между США и Англией. Но если империалистам и удастся заключить какую-либо временную сделку между собой, — это во всех случаях будет сделка за счет интересов Ирана.

ЛИТЕРАТОР

Премьеры Большого театра

В текущем сезоне Государственный академический Большой театр СССР и его филиал покажут три премьеры. В конце этого года на сцене филиала после длительного перерыва пойдет опера Л. Бетховена «Леонора» («Фиделио»); редакция либретто Н. Г. Бирюкова. На основной сцене состоится премьера нового балета С. Прокофьева «Сказ о каменном цветке» (по мотивам сказов П. Бажова). Либретто балета написано Л. Лавровским и М. Прокофьевой. Вновь включена в репертуар театра опера композитора А. Серова «Вражья сила».

Одновременно театр начал работу над новыми постановками, предназначенными к показу в 1954/55 году. Среди этих постановок — «Сказание о граде Китеже» Н. Римского-Корсакова, балет А. Хачатуряна «Спартак», опера Д. Верди «Отелло».

На сцене филиала зрители увидят новую постановку популярной оперы Д. Верди «Травиата», а также одну из лучших французских комических опер XIX столетия «Фра-Диаволо» Д. Обера. Среди премьер будущего года на сцене филиала пойдет балет на современную колхозную тему литовского композитора Ю. Юзелюнаса «На берегу моря» (по либретто В. Гривицкаса). Ведется работа над осуществлением новой постановки оперы Н. Римского-Корсакова «Царская невеста».

Для театра работает над операми и балетами ряд советских композиторов. Дм. Кабалевский заканчивает оперу «Никита Вершинин» по мотивам пьесы Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» (либретто С. Ценина). В ближайшее время в Большом театре состоится прослушивание законченной в клавире оперы И. Дзержинского «Гроза» по одноименной пьесе А. Островского (либретто Л. Дзержинского). Т. Хренников работает над оперой «Мать» по М. Горькому (либретто А. Файко). По либретто поэта В. Луговского В. Мурадели пишет оперу «Солдаты Октября», К. Молчанов — оперу «Заря» по мотивам пьесы «Разлом» (либретто С. Северцева.

Первые дни в МТС

Г. БОРОВИКОВ

Из окна комнаты видна обширная усадьба МТС, заставленная комбайнами, бензовозами, грузовиками. Ветер гонит по земле желтые листья.

Иван Григорьевич Прошин каждое утро, садясь за свой стол, смотрит на эту картину и думает о том, что скоро пойдут холодные осенние дожди, потом выпадет снег. При этой мысли ему становится неуютно. Он представляет себе, как прогибаются под тяжестью снега легкие детали комбайнов, ржавеют металлические части. Душа Прошина протестует.

Совсем еще недавно Прошин читал лекции в Саратовском институте механизации сельского хозяйства. Сам воспитанник этого института, проработав восемь лет старшим механиком МТС, Прошин четыре последних года был преподавателем. Жизнь его была устроена, была квартира, дети учились в школе. Так, может быть, и жил бы он еще много лет.

И вдруг все изменилось. В сентябре Пленум ЦК КПСС принял постановление о мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. Читая этот документ, Прошин задумался: десятки тысяч специалистов сельского хозяйства не работают по своей специальности. Ему стало неловко за людей, которых государство учило и которые не поехали работать в деревню. Он подумал и о себе, о том, в чем его призвание: не лучше ли ему будет заняться практической работой?.. И он решил, что будет полезнее в деревне, там, где люди производят хлеб, овощи, фрукты, мясо, сырье для промышленности. Он подал заявление с просьбой направить его в деревню и получил назначение на должность главного инженера Самойловской МТС.

И вот мы встретились с Иваном Григорьевичем на новом месте. Жить он устроился в отдельном домике, дети начали ходить в школу. Словом, жизнь входит в нормальную колею.

Весть о прибытии «настоящего» инженера обрадовала работников МТС. К главному инженеру идут механики, бригадиры, заведующий мастерской. У каждого — неотложное дело.

Каждый спешит, говорит о своем деле возбужденно, как о самом важном. Это нравится Ивану Григорьевичу: неравнодушны люди к работе, значит, с ними можно многое сделать. В первый же день он познакомился с рабочими мастерской и остался доволен: токари, сверловщики, слесари работают по многу лет. Сейчас в штат зачислены трактористы и комбайнеры, люди из разных колхозов, с разными навыками, с хорошими и плохими привычками. Предстоит заняться с ними, подучить, а других и подтянуть.

Но прежде надо каждого хорошенько узнать. Поэтому Иван Григорьевич терпеливо выслушивает каждого и не перебивает, если кто заговорит о чем-нибудь, не относящемся к делу. Полевые работы почти закончились. Все больше механизаторов прибывает с машинами на усадьбу МТС. Каждому надо найти работу. Кого поставить на ремонт машин, кого послать на животноводческие фермы в колхозы для налаживания механизации, кого послать на переподготовку...

Первая забота — ремонт машин. До сих пор был такой порядок: зимой ремонтировали сначала тракторы, потом прицепные орудия, а перед самой весной — комбайны. Такая очередность вызывалась лишь одним соображением: тракторы нужны раньше, чем комбайны. Но получалось так, что с ремонтом комбайнов обычно запаздывали, проводили его в спешке и порой недостаточно хорошо.

— Надо ремонтировать все машины одновременно, — говорит Прошин. — К этому я сейчас готовлюсь. Но встречается немало трудностей. В МТС — более 80 тракторов и 50 комбайнов. По балансу же числится больше, потому что машины, пришедшие в негодность, не списывались со дня организации станции. Некоторых тракторов, например, и в помине нет, а их учитывают при составлении плана работ...

Нашу беседу прервал директор станции Николай Семенович Портенко.

— Еще двое просятся в МТС, — весело поблескивая глазами, сообщил он.— Старший агроном райсельхозуправления Дусев подал заявление — желает поехать в колхоз.

— А второй кто? — спросил Прошин.

— Бывший тракторист Россошанский... Работает в колхозе весовщиком.

Несколько бывших трактористов вернулись в родные места из городов, где они работали не по специальности, и зачислены в штат МТС. Растет коллектив станции, растет его сила. Вместе с тем появляются новые заботы. Людям надо где-то жить. Дирекция арендует дома в близлежащем селе. Это временно. Скоро начнется строительство общежития, квартир, культурно-просветительных учреждений. Портенко показывает из окна на живописный участок, на котором, по его мнению, надо строить поселок.

На эту тему среди рабочих много разговоров. Некоторые механизаторы живут в ближних колхозах и не намереваются переселять семьи на усадьбу МТС: пусть члены семьи работают в колхозе. А как быть тем, чьи дома находятся в 20 километрах от станции? Жить отдельно от семьи? Перевозить дом? А как быть с членами семьи — колхозниками? Найдется ли для них работа в МТС?

Эти вопросы задают руководителям станции. Некоторые интересуются тем, как получить ссуду на постройку дома.

Во всех этих разговорах чувствуется, что работники МТС хотят осесть в деревне прочно, надолго, на всю жизнь.

...Через несколько минут приходит заведующий мастерской и просит Прошина что-то посмотреть.

— Сейчас приду.

Мастерская — это большое каменное здание, построенное двадцать лет назад. В нем размещаются станки: токарные, сверлильные, расточные, кузница, склад запасных частей.

— Хламу много, — говорит Прошин заведующему мастерской, — повернуться негде. Надо очистить помещение.

— Руки не доходят, — смущенно отвечает заведующий, исполнявший до приезда Прошина обязанности главного инженера. — Наведу порядок.

— Чем чище в мастерской, тем удобнее работать, — сказал Прошин и увидел то, из-за чего позвал его заведующий.

В проходе меж станков стояла тренота из кольев, а с нее спускалась цепь.

— Придется так работать, — с горечью произнес заведующий мастерской.

Прошин осматривает приспособление.

— Я видел в гараже таль, — сказал он после недолгого молчания.— Вот ее и надо приспособить для поднятия тяжелых деталей.

И тут выяснилась еще одна трудность, не зависящая от работников МТС. За двадцать лет мастерская не ремонтировалась. Крыша прохудилась, балка, за которую крепились тали, стала ненадежной. Станция получила деньги на капитальный ремонт и строительство, но сделать ничего не может. По существующему порядку МТС имеет право приобретать материалы в снабжающих организациях по безналичному расчету. Но там нет нужных материалов... Они есть в торгующих организациях, но только за наличный расчет. Наличных же денег на эти цели банк не дает. Таким образом, ассигнования остаются неиспользованными, а станция вынуждена возвращаться к примитивным приемам при переноске и подъеме тяжелых деталей машин.

— Такая же картина с инструментом,— говорит Прошин.— Станция обеспечена инструментом на 60 процентов. В снабжающих организациях инструмента нет, а в магазинах купить за наличные деньги не разрешается.

— Как же быть?

— Надо что-то придумывать, а что — еще и сам не знаю... Но все это мы преодолеем. Скоро промышленность выпустит для сельского хозяйства достаточно машин и инструмента. Раньше всего надо обновить станки и обеспечить МТС передовыми установками, про которые сказано в постановлении ЦК партии и Совета Министров.

В мастерской идет подготовка к зимнему ремонту. Вкатываются машины, их разбирают, осматривают, записывают, какую деталь нужно заменить, какую отремонтировать. На каждую машину составляется дефектная ведомость.

Когда мы возвращались из мастерской, к Прошину подошли двое парней в стеганых ватниках.

— До свидания, Иван Григорьевич.

— До свидания! Уезжаете?

— Сейчас отправляемся.

Это трактористы поджидали инженера, чтобы попрощаться с ним.

— В школу механизации едут,— пояснил мне Прошин.— Прошлые годы МТС не выполняла плана переподготовки кадров — желающих было мало. А нынче совсем другое дело. Нам дали в школе 32 места, а мы уже послали 30 человек. И еще поступают заявления.

Желание повысить свою квалификацию проявляется нынче, как никогда.

— Как же нам не стремиться к лучшему,— сказал на собрании работников станции помощник бригадира Данилин,— когда сельскому хозяйству дается такой большой размах.

И как бы продолжая эту мысль рабочего, Прошин сказал, показывая мне на выстроившиеся под открытым небом комбайны и сеялки:

— Весной тут будем строить гаражи, навесы, склады. Жизнь машин продлится, меньше потребуется ремонта. Вы вчера были на нашем собрании? — вдруг спросил он меня.— Слышали, как критиковали бригады?

Да, на собрании работников МТС с тревогой говорили про неубранную свеклу и винили в этом трактористов.

— Свекла нынче уродилась крупная,— продолжал Прошин.— Сидит в земле глубоко, сантиметров на двадцать. Убирают ее культиваторами, а они с трудом берут такую глубину. Директор советует пустить тракторы «СТЗ-НАТИ» с плугами. Это ускорит копку... Только, говорит, надо плуги с одними лемехами пустить, без отвалов, а то пластом свеклу завернет.

Прошин рассказывает о методах копки свеклы с помощью плугов и, наконец, заключает:

— Сегодня пробуем копать по-новому... Надо съездить посмотреть... А то, знаете, как бы погода нас не опередила...

Он посмотрел на небо. Когда облака закрывали солнце, на земле становилось совсем холодно.

Прошин зашел ненадолго в контору — сказать работникам бухгалтерии, чтобы поторопились с расценками на ремонт машин, затем сел в «газик»-вездеход. Машина с места набрала скорость и помчалась, хлопая ослабшим брезентовым верхом, в поля.

Самойловская МТС,
Саратовской области

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Журналы в ноябре

В ближайшие дни выйдут одиннадцатые (ноябрьские) книги литературно-художественных журналов «Новый мир», «Знамя», «Октябрь» и «Звезда». Проза представлена в них новым романом В. Пановой «Времена года», рассказами польских писателей М. Слонимского «Повесть о серебристом лососе», Я. Бохенского «Заблудился», большим очерком В. Кендрякова «Падение Ивана Чупрова» («Новый мир»), рассказами Ю. Нагибина «В школу» («Звезда») и Н. Асанова «На пароходе» («Октябрь»). Основное место в журналах «Знамя», «Октябрь» и «Звезда» займут продолжения начатых ранее романов Л. Леонова «Русский лес», А. Первенцева «Матросы» и И. Кремлева «Солдаты революции».

Большое место уделяют журналы теме борьбы за мир и дружбу между народами. Этому посвящен специальный раздел в журнале «Звезда», где печатаются стихи Е. Рывиной, А. Чепурова, французского поэта Шарля Марр. В «Октябре» публикуются очерки В. Захарченко «Мир и дружба», написанные в результате поездки на Всемирный фестиваль молодежи в Бухаресте, статьи М. Ауэзова и И. Ермашева. В журнале «Знамя» со статьями выступают П. Бровка и А. Азизян.

Подписчики журналов прочтут в ноябрьских номерах новые произведения советских поэтов. В их числе — стихи Ю. Гордиенко и П. Хузангая, посвященные Коммунистической партии, циклы стихов С. Капутикян («Знамя»), В. Луговского («Октябрь»), И. Френкеля («Звезда»). Новые переводы С. Маршака из Дж. Родари печатает «Новый мир».

Публицистика представлена в журналах статьями П. Мстиславского «Народное благосостояние» и И. Лемина «За ширмой объединенной Европы» — в «Новом мире», М. Гуса — о внешней политике Советского Союза и Н. Кулагина — о бедственном положении и борьбе трудового крестьянства в капиталистических странах Европы — в «Звезде». В этом же журнале А. Чирков рассказывает о поездке в Норвегию.

В журналах помещен ряд статей и рецензий, посвященных новым книгам, преимущественно советских писателей.

ПОСЛЕ ЛЕТНЕГО ПЕРЕРЫВА

КИЕВ. (Наш корр.). После летнего перерыва в Союзе советских писателей Украины, получившем новое большое помещение, развертывается творческая работа.

Комиссия по драматургии после обсуждения новой драматической поэмы Л. Дмитерко «Подснежники» провела совместно с работниками Управления искусств Министерства культуры УССР и киевских театров заседание, посвященное активизации работы театров с драматургами. Комиссия организовала в Одессе широкое обсуждение новых пьес местных драматургов и собеседования с работниками театров.

Секция поэзии вместе с киевскими композиторами провела два широких совещания, посвященных вопросам создания новых массовых песен, в частности на темы, связанные с приближающимся трехсотлетием воссоединения Украины с Россией.

Комиссия по работе с молодыми литераторами, при помощи и участии других комиссий и секций, готовит совещание молодых литераторов западных областей Украины. Оно состоится в ноябре во Львове.

Не проявляют пока особой активности секция прозы и комиссия по теории литературы и критике.

Очерки о передовых женщинах

ТАШКЕНТ. (Наш корр.). Государственное издательство Узбекской ССР приступило к выпуску серии очерков о передовых женщинах Узбекистана. Над очерками работают ведущие писатели республики.

Недавно вышли очерки о Герое Социалистического Труда, новаторе шелководства Алияхан Султановой, мастере высоких урожаев хлопка Хадиче Ахраровой, народной артистке СССР Саре Ишантураевой, балерине Галие Измайловой и писательнице Айдын Сабировой.

ФЕЛЬЕТОН

ОТВОРИТЕ КАЛИТКУ!

Скрипит приставная лесенка. Старушка лезет в окно. С земли ей подают корзинку с провизией, ведро с водой, дрова...

На Железнодорожной улице города Кропоткина, у дома № 36 собираются зеваки. Удивляются, спрашивают:

— Что это вы на старости лет гимнастикой заниматься вздумали?

Старушка сокрушенно вздыхает:

— Нет у нас дверей, вот и приходится лазить в окно...

— Что за чепуха! Вон рядом калитка!

— Калитка-то калитка, да не для нас...

Нам также пришлось попасть в квартиру семидесятишестилетней пенсионерки Александры Яковлевны Быкнер, вдовы паровозного машиниста, через окно, по приставной лесенке. Скажем прямо: это был не совсем удобный способ посещения ее квартиры... Но, что поделаешь...

Вот что мы узнали, поднявшись по ступенькам приставной лестницы.

Машинист Павел Владимирович Быкнер в июне 1941 года, перед самым началом Отечественной войны, продал половину своего дома Василию Трофимовичу Зигуре. Купля-продажа была закреплена соответствующим договором, в котором черным по белому было записано, что земельный участок при доме будет находиться в пользовании обоих владельцев (земля ведь не продается, она — собственность государства). Но в договор попал один коварный для Быкнера пунктик. Он гласил, что ворота и калитка будут принадлежать В. Зигуре, а П. Быкнер в течение года обязан устроить свой отдельный выход.

Расположение усадьбы, однако, таково, что она имеет выход на улицу только с одной стороны, а с противоположной к дому вплотную примыкает другое владение. Даже если превратить одно из окон в дверь, все равно невозможно через комнату вывозить со двора мусор, доставлять во двор топливо и т. д. Не знаем, каким образом старик Быкнер мог бы устроить для себя отдельный выход. Но сейчас говорить об этом поздно: Павел Владимирович умер в 1944 году, и все последствия необдуманно принятого им «пунктика» договора свалились на плечи его вдовы Александры Яковлевны.

Хотя в договоре было обусловлено совместное пользование земельным участком, Зигура уже через год отгородил свою половину двора высоким глухим забором. А Быкнеры выходили на улицу с другой стороны дома на соседний чужой участок. Затем этот участок перешел к новой владелице, которая нынешним летом обиделась за что-то на Александру Яковлевну и также отгородилась. Круг замкнулся. Так окно стало единственным входом и выходом из квартиры Быкнер...

Александра Яковлевна предчувствовала грядущие неприятности и еще в 1951 году обратилась в суд. Возникло дело о калитке. Народный суд 1-го участка гор. Кропоткина под председательством тов. Дементьева, обсудив дело, отказал в иске Быкнер к Зигуре о разрешении выхода через общую калитку и предложил Быкнер сделать свой выход на улицу... через окно. Да, да,— так и записано. Основанием для этого мудрого решения послужил все тот же коварный пунктик из договора о купле-продаже. Пунктик имеется, — вот и все. В остальное суд не вник.

Судебная коллегия по гражданским делам Краснодарского краевого суда, куда Александра Яковлевна подала кассационную жалобу, пошла по тому же пути. В определении коллегии сказано: «Быкнер считает, что имеющийся у нее выход (какой? — **Е. С.**) ее не устраивает, предъявляет иск о том, чтобы предоставить ей право пользоваться выходом Зигуры... Оснований для предъявления иска истцей не указано... Доводы жалобы неосновательны... Жалобу оставить без удовлетворения». Одним словом, входите и выходите, как хотите!

Так суды узаконили то, что противоречило здравому смыслу: опираясь на заведомо неправильный пунктик договора купли-продажи, проявили полнейшее равнодушие к людям и решили их судьбу **формально** — будто бы правильно, а по существу забыв о главном: заботе и внимании к советскому человеку. А ведь этой заботой проникнут весь дух нашей социалистической законности.

...И вот с июня нынешнего года семья Быкнер и ее квартиранты — кладовщик паровозного депо станции Кавказская Г. М. Куропатов с женой стали, на удивление всем прохожим, путешествовать через окно, по вышеупомянутой лесенке.

О происшествии узнали местные организации. В горисполком, в городской комитет партии был приглашен Василий Трофимович Зигура, директор Кропоткинского мельзаводоуправления, член партии. С ним беседовали, убеждали его, доказывали, что нельзя запирать живых людей в их половине дома, как в мышеловке. На Зигуру это не подействовало. Ему-то что за дело! Есть договор, а в договоре — пунктик... Есть решения и определения судов... И лишь когда Зигуре категорически предложили немедленно сделать в заборе калитку и предоставить всем живущим в квартире Быкнер возможность нормально выходить на улицу, он, скрепя сердце, подчинился: калитка в заборе была прорублена. Однако Куропатовым ходить через калитку Зигура запретил. Не решились ходить через зигуровские владения и старушка Быкнер с сестрой.

На днях, после нового разговора в горкоме партии, Зигура «смилостивился»— проход, наконец, открыт для всех живущих на половине Быкнер. Но, по существу, все осталось по-старому, и скрипучую лесенку окончательно ликвидировать все-таки боязно, ибо все зависит от «контрольно-пропускных» настроений не только самого Зигуры, но и его супруги.

«**Мой** дом, **мои** ворота, **моя** калитка! Захочу — отворю, позволю ходить по моим владениям, не захочу — не позволю! Ходите в окно!» Что за феодально-помещичьи замашки у ответственного советского работника!

Трудно обуздать кропоткинского феодала Зигуру. Может быть, этим займется Верховный суд РСФСР, разберется в деле о калитке по существу, — не с точки зрения «пунктика», а с точки зрения здравого смысла. Ведь всякому ясно: окна не предназначены для того, чтобы через них входить и выходить.

Надо отворить калитку!

Е. СТАШЕВСКАЯ
гор. КРОПОТКИН,
Краснодарский край

По следам неопубликованных писем

От читателя «Литературной газеты» тов. Трофимова поступил в редакцию сигнал о том, что на Ростсельмаше не созданы условия для успешной учебы аспирантов, работающих на заводе.

Из Ростовского обкома КПСС, куда редакция направила сигнал читателя, нам сообщили, что факты, изложенные в письме, подтвердились. Дирекцией и партийным комитетом завода приняты меры для улучшения условий учебы аспирантов. Решено создать на заводе специальную группу аспирантов в количестве 15 человек.

Федор ЭЙНБАУМ

Серебряные богатства Эстонии

Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О расширении производства продовольственных товаров и улучшении их качества» намечает грандиозную программу создания в стране обилия продовольствия — мяса и мясопродуктов, рыбы и рыбопродуктов, животного масла, молочных продуктов, сахара, кондитерских, хлебобулочных и макаронных изделий, консервов, муки, пива, папирос и многих других продовольственных товаров. Поставлена задача — достичь такого уровня народного потребления продуктов питания, которое необходимо для всестороннего, гармонического развития здорового человека.

В постановлении специально обусловлено резкое увеличение добычи рыбы и морского зверя, увеличение выпуска рыбных консервов.

Огромны рыбные богатства нашей страны. Статья писателя Ф. Эйнбаума ставит вопрос о расширении добычи рыбы и производства консервов в Эстонской ССР.

У причалов Пярнуского порта стоят, братски прижавшись друг к другу, крутобокие свежеокрашенные красавцы-тральщики. Еще медленно гаснут в предрассветной дымке ночные огни, а уже призывно гремят цепи многочисленных рыболовецких судов. Пружинно звенят под ногами людей в зюйдвестках металлические трапы. Остро, звонко поют лебедки. В шелестящий мерный шум моря вплетаются отрывистые слова команды. Порт, широкий, раздольный, с зарозовевшими от зари крышами пакгаузов и мастерских, похож на разбуженный исполинский улей. Пярну-порт известен в Прибалтике издавна, но только в послевоенные кипучие годы обрел он размах, неизбывную силу советской техники, добротную оснастку. С моря в устье реки стекается на моторных судах многотонными потоками свежая рыба. Горластые жерла рыбонасосов выбрасывают из трюмов каскады животрепещущей салаки. А в море к самоходному флоту с вымпелками колхозов «Яхта», «Ваал», к судам моторно-рыболовной станции уже подходит мощный пловучий рефрижератор...

Помнится, шесть лет назад я беседовал на острове Кихну со старым мастером — строителем парусников Энном Вахкелем. Человек, чье лицо в паутине морщин напоминало прибрежный валун, потрескавшийся от морозов и зноя, перебрал за восьмидесятилетнюю жизнь уйму профессий — воздвигал мол в Пярну из гранитных многопудовых глыб, возил купеческие галеасы, выходил бить зимой тюленей на льду, промышлял в море салаку. Но только когда возле Кихну затарахтели первые моторы рыболовецкого товарищества, появились большие сети, — сказал Энн Вахкель уверенно, почти торжественно:

— Серебряные богатства рыбы приходят в Эстонию. Я сорок парусников построил, я видел жизнь... Богатства придут к нам на моторах, из ставных советских неводов. И надо нам теперь трудиться так, чтобы зачерпнуть побольше из этих богатств...

На островах, на материке создана сеть моторно-рыболовных станций, располагающих отличным современным флотом, новейшими орудиями лова, штормоустойчивыми неводами, капроновыми сетями, мощными ботами, радующими глаза красотой форм, разнообразием оснастки... На помощь рыбным промыслам Эстонии пришли ученые, чей долг — изучить сырьевые запасы Северной Балтики, пути миграции промысловых рыб, благоприятные гидрологические и гидрохимические условия для размножения рыбы. Водоемы Эстонии заселяются молодью ценных видов рыбы. В Чудском озере ведутся работы по разведению амурского сазана, в прибрежных водах Сарема — морского сига, выращивается ручьевая и радужная форель, золотой язь — украшение прудов и бассейнов.

Мне довелось побывать в послевоенные годы на Нейпси-озере, где испокон веков живут в тесном соседстве русские и эстонские рыбаки. Еще тогда бросались в глаза следы подлого хозяйничанья коммерсантов, скупщиков-спекулянтов: многие избы в рыбацких поселениях были наглухо заколочены — молодежь уходила на заработки в города, бросала отчий дом, жалкую снасть.

И вот — первое собрание рыболовецкого товарищества. В старом дощатом сарае собрались русские степенные бородачи в косоворотках, рыбаки-эстонцы с обветренными бритыми лицами, старухи в раскольничьих платках, молодцы в гимнастерках с орденами и медалями Отечественной войны на груди. Оглушительно хлопала дверь с подвешенным кирпичом, впуская все новых гостей. Люди хотели услышать твердое, ясное слово советской власти о завтрашнем дне, о перспективах роста, расцвета...

Председатель собрания, местный старожил, одетый в ситцевую рубашку и старомодный картуз, вместо того, чтоб произнести вступительное слово, взял в руки долото. Он всенародно начал открывать невод, только что присланный из Таллина «на зубок» новорожденному товариществу. То был большой, внушительный невод—сто шестьдесят саженей ажурной сетчатой дорогостоящей ткани. Молча, благоговейно следили все за движениями председателя. Как блестели глаза, старые и молодые! Как жадно тянулись руки к добротной долгожданной снасти! Вот и пришли невода... Пришли лодки с двигателями пярнуской марки, новенькие снасти, изготовленные в Таллине...

Невольно вспомнился мне этот эпизод именно сегодня, когда расцветающие рыболовецкие колхозы Советской Эстонии уверенно строят жизнь на плановых социалистических основах.

* * *

Килька, таллинская килька! Маленькая серебристая рыбка с пряностями, широко известная в Союзе... Есть в Таллине старая улица Суур-Патарей, в просветах которой виднеется взлохмаченная ветром спина Балтийского моря. Здесь многие десятилетия назад возникло производство прославленных консервов. Когда-то почти в любом домике этой улицы хозяева крошечных примитивных предприятий хранили «секреты» приготовления особых специй, создающих аромат и вкус эстонских килек. Но истинным создателем вкусовых качеств местных консервов, их гастрономических достоинств был сам народ, выросший у моря, понимающий толк в приготовлении деликатесной рыбы. Теперь славу килек с голубой этикеткой Таллинского комбината приумножает в своих цехах и холодильниках предприятие, получившее современный советский размах...

Мы — в просторном широкооконном здании на улице Сальме. Все здесь устроено, оборудовано так, чтобы рыбная продукция шла потоком. Вместительны овальные промывочные бассейны с двойным дном. Длинные столы крыты цинком, лоснятся от чистоты. Мерно постукивают в светлых цехах моечные, закаточные машины. В стальных объемистых чанах — автоклавах проваривается, стерилизуется разная рыба — маленькие нежные шпроты, белобрюхая ладонеобразная камбала, сардины, частик. На стенах плакаты предупреждают об опрятности, лабораторной щепетильной чистоте: «Вход только в санитарной одежде». В цехах работают в белых перчатках...

Мастер Эльвине Аххиль, много лет работающая на предприятии, с гордостью рассказывает о борьбе за качество кильки. Весь процесс от промывки, разделки рыбы до укладки ее на стеллажи холодильников для «вызревания» находится под недреманным оком бригадиров, мастеров-контролеров, техконтроля. Аххиль, некогда работавшая в примитивных цехах, лишенных даже проточной воды, с понятным волнением говорит о машинах и автоматах, улучшающих процесс производства консервов. Надо видеть, с каким вниманием, профессиональной зоркостью следит она за всеми тонкостями копчения рыбы на ольховом дыму в круглых высоких печах, за просушкой рыбешки на рамах, за укладкой ее в банки.

— Посмотрите-ка! — показывает она, улыбаясь, на большой настенный прибор со шкалой и рубильниками.— Это терморегулятор системы инженера Бабенкова. Такие только в Астрахани да у нас в Таллине. Задаются, скажем, температура и время для стерилизации консервов в автоклавах, и только поглядывай тогда на сигнальные лампочки регулятора: зеленый сигнал — начался процесс стерилизации, желтый — подъем пара до установленной температуры, красный — спуск температуры. С такой аппаратурой, с нашими крепкими кадрами можно добиваться отличной, выдержанной продукции!..

Выпускать рыбопродукцию только высоких достоинств — какое естественное благородное стремление! Мы видели в тех же цехах работу пожилых раздельщиц рыбы Эльвины Вийн, Хелены Пиим и других. Женщины в белых нитяных перчатках точным, безошибочным движением отделяют плавники, головы, внутренности. Каждый взмах выверен опытом, любовью к делу: брак — редчайшее явление. Работники лаборатории, техконтроль, дегустационная комиссия наблюдают за всеми сложными тонкостями процесса, вплоть до момента, когда в прохладных подвалах, без прикосновения человеческих пальцев, кильки, шпроты и другие консервы вызревают, получают нужный деликатесный вкус, аромат, привлекательную внешность, отличное качество.

Всюду ли, на всех ли рыбокомбинатах Эстонии заботятся так об отменном качестве своей продукции? Вот шпроты — та же темная, с золотой полоской этикетка. Маленький добавочный ярлык указывает, что изготовлены они в Пярну. Те же шпроты изготовляют в Кингисеппе, в Раквере, Хаапсалу. Но попробуйте, хотя бы для сравнения, шпроты Пярнуского рыбоконсервного завода после таллинских. Известны факты рекламаций: часто продукция этого завода пересолена, а в рыбе ощущается сухость. Завод этот большой мощности, а плана по сортности не выполняет. И получается, что при отличном оборудовании, неплохой разносторонней механизации, которая, кстати говоря, слабо используется, продукция пярнусцев не всегда на высоте. Здесь несовершенно поставлен санитарный режим, без тщания следят за технологическим процессом, подбором сырца. Есть нарекания и на продукцию марки «Пярну—Лийва», рыбоконсервного завода в Тойла. Только шесть бригад и цехов рыбной промышленности Эстонии носят название бригад, цехов высокого качества. Мало, слишком мало! Мы за то, чтобы каждая этикетка на каждой серебряной коробке была не обезличенной, а строго индивидуальной: за свою марку, за надежность в смысле отличных вкусовых качеств должен отвечать каждый завод!

Когда толкуешь о качестве, расширении ассортимента с руководителями Главного управления рыбной промышленности, с работниками «Эстрыбаколхозсоюза», вопрос часто упирается в плохую разведку хода косяков иных промысловых рыб. Но так ли это всегда? Миграция жирного, прославленного эстонского угря неплохо изучена, а добыча его долго велась беспланово, импровизированно, самотеком. Возможности лова такой ценной, вкусной рыбы, как сиг, используются плохо. То же можно сказать о лове лососевых, о добыче знаменитой нарвской миноги, которая заходит и в другие реки Эстонской ССР.

Однако беспомощно, неумело поставленная разведка на промыслах — факт все же несомненный. Нынче весной я видел, как к причалам Пярну подошли два судна, вышедших на лов в один и тот же час в те же воды. Мощный тральщик местной моторно-рыболовецкой станции, снабженный разнообразной техникой, богатой оснасткой, пришел почти пустым, лица команды выдавали уныние. Но вот подчалил в поздних сумерках высокобортный, тяжело груженый мотобот одного из передовых колхозов, и по сияющим глазам рыбаков, по приветственным возгласам людей, столпившихся на берегу, можно было безошибочно догадаться об обильной добыче.

Чем же объяснить такие разительные контрасты? Случайная, несовершенная разведка, лов почти вслепую, наугад — вот что приводит к возвращению с пустыми трюмами, к потере десятков, сотен судо-суток и в Пярну, и в Нарвском заливе, и на островах... Зачастую плохо используется богатая техника рыболовецкого флота, не обеспечивается высокая маневренность крупных орудий лова. Опыт лучших колхозов не становится достоянием большинства. Живут кое-где сезонными настроениями — поправить дело только за счет «большой рыбы», в дни весенней путины. А «малая рыба», а лов каждодневный, при любых условиях? Об этом руководители говорят сдержанно, ссылаясь на множество объективных затруднений.

В Таллине, на Ратушной площади, находится солидное учреждение, где изучают сырьевые запасы Северной Балтики, — отделение ВНИРО. Давно производственники ближних и дальних районов просят научных работников помочь им в улучшении качеств деликатесных консервов, в освоении выпуска новых видов продукции, в разработке механизации. Однако подлинного творческого содружества науки и практиков нет. Где, какие породы рыбы улавливаются лучше, больше, меньше, в чем причины? Таких, самых подробных, изысканий ждут рыбаки от научных рыбохозяйственных организаций.

В кинотеатрах Эстонии недавно показывали короткометражный документальный фильм о жизни и труде эстонских рыбаков. Дружным всплеском аплодисментов встречали зрители кадр: к белой громаде красавца-рефрижератора пришвартовывается в море жемчужно-серый стальной тральщик. Медленно, с неотвратимой могучей силой движется стрела, неся ящики с серебристым тяжелым уловом в недра трюмов-холодильников, снабженных совершенной аппаратурой. Люди в белых халатах хлопочут у катков, действующих стремительно, в расчете на огромный, все прибывающий улов. Дверцы белых лакированных камер распахиваются, желая охладить не меньше 80—90 центнеров серебристых богатств. Подобной красоты прежде в Эстонии не знавали, не видели никогда!..

Тем более обязывают эта мощь, сила, слава советской техники к работе по-новому. Серебряные неисчерпаемые богатства идут сегодня к берегам Эстонии. Их надо взять больше, обильнее!

ПЯРНУ—ТАЛЛИН

РАБОТЫ АРКАДИЯ ПЛАСТОВА

В этом году А. Пластов закончил шестнадцать небольших картин, выполненных акварелью и гуашью. Пятнадцать из них — иллюстрации к повестям и рассказам Л. Н. Толстого, одна — композиция на тему жизни самого писателя. Не все они равноценны, есть в этой серии и случайные («Утро помещика»), и несколько нарочитые вещи («Сколько человеку земли нужно»). Но большинство работ цикла отличается глубиной чувства и мастерством исполнения.

Такова прежде всего картина-иллюстрация к рассказу «Три смерти». У Пластова, как и у Толстого, сцена разговора двух ямщиков проста и обыденна. С замечательной точностью охарактеризованы беседующие мужики, их отношение к смерти, как к естественному и привычному событию. Написана картина уверенно, с тонким знанием старого крестьянского быта. Перед зрителем воскресает воочию, во всех мельчайших деталях обстановка ямской избы.

Иллюстрация к рассказу «Три смерти» создана в лучших традициях передвижников. То же можно сказать и о композиции «Встреча Толстого со слепцами». Ее сюжет не связан с каким-либо определенным произведением, но это живая страница жизни самого Толстого, по самому духу своему близкая многим его творениям.

В картинах-иллюстрациях к «Казакам» больше всего удались Пластову портреты Ерошки и Марьянки. Здесь в полную меру развернулось декоративное мастерство художника.

«Марьянка» — едва ли не лучшая вещь серии. Отлично используя возможности акварельно-гуашной техники, допускающей сочетание интенсивного цвета с прозрачной легкостью тонов, Пластов создал образ, полный живой прелести и очарования. Крепкая, стройная, смуглая, Марьянка стоит в горделиво-спокойной позе, но вся ее грациозная фигура полна внутреннего трепета, хмельного счастья молодости. Даже ее розовое платье — Толстой многократно напоминает на протяжении повести об этом розовом цвете — пронизано живым, мерцающим светом.

История советского искусства знает немало случаев, когда художник, укрепив и обновив свое мастерство в процессе работы над воплощением образов классической литературы, затем «находил себя» и в современной тематике. Хотелось бы надеяться, что плодотворное обращение Пластова к наследию Толстого окажется той творческой «зарядкой», которая поможет большому художнику в его работе над образами новой, советской жизни русской деревни.

А. КАМЕНСКИЙ

Картины-иллюстрации А. Пластова к рассказам Л. Н. Толстого: сцена разговора двух ямщиков («Три смерти») и портрет Марьянки («Казаки»).

ПРАВДА ЖИЗНЕННЫХ НАБЛЮДЕНИЙ

В новой сатирической комедии молодого белорусского драматурга Андрея Макаёнка «Камни в печени» (журнал «Театр», № 10, 1953 г.) привлекает прежде всего зоркая наблюдательность писателя, увидевшего в жизни сельского района и колхоза те типические недостатки, которые нуждаются в осмеянии, в разоблачении.

Пьеса по-настоящему злободневна. Высмеивая бюрократов и головотяпов, людей, насаждающих в колхозах методы администрирования, автор выступает против явлений, которые мешают развитию сельского хозяйства. Однако комедия А. Макаёнка — отнюдь не бесстрастная иллюстрация, не просто комментарий к событиям сегодняшнего дня. Молодой автор не только верно определил предмет сатирического изображения, доказав свою способность смело вторгаться в жизнь, но и сумел мысль пьесы раскрыть в столкновении жизненно достоверных характеров.

Это удалось драматургу прежде всего потому, что он поставил своих героев в такие обстоятельства, которые вынуждают их действовать, проявлять себя наиболее ярко.

Именно в момент, когда необходимо активно действовать, ибо от этого зависит его дальнейшая судьба, застаем мы ответственного районного работника Степана Калиберова. Сейчас ставится на карту его авторитет, его карьера: хорошо проведет район хлебозаготовки, выйдет в передовики,— о Калиберове заговорят в области, глядишь, и восстановит он свое былое положение, вернется в столицу...

И Калиберов руководит — «нажимает», «закручивает гайки», «организовывает сабантуй». Но вся беда в том, что не о государстве и не о людях думает Калиберов. Только о себе, о своей репутации печется «гигант районного масштаба». А до того, что страна живет не одним сегодняшним днем, что ей нужно много хлеба и впредь, что за сводками и бумажками — труд колхозников, их будущее,— ему нет дела. Поэтому и во всех приказах его — только погоня за планом, за цифрой и полное равнодушие к интересам колхозов.

Калиберов—тип, встречающийся в жизни. Есть еще у нас руководители, которые, подобно Калиберову, с серьезным видом призывают работать, «как скажет партия», а сами действуют вопреки партийным требованиям, партийным задачам. А это приводит к бюрократическому стилю работы, и его-то высмеивает в своей пьесе А. Макаёнок, изображая Калиберова, погруженного в сложные процентные вычисления и торжествующего от сознания, что он обогнал соседний район «на восемнадцать процентов».

Но проценты эти оказываются дутыми. Автор раскрывает всю несостоятельность Калиберова-руководителя, который ради выполнения графика пошел на очковтирательство, обман государства: с ведома Калиберова работник отдела заготовок Мошкин штампует фиктивные квитанции на якобы уже сданный колхозами хлеб.

Драматург сумел показать движение событий: все происходит на наших глазах, всему читатель является живым свидетелем. И когда в отношениях с Калиберовым и Мошкиным проявляется характер председателя колхоза «Партизан» Горошко, наглядно убеждаешься, какой вред наносит калиберовское руководство.

Можно себе представить, что председатель колхоза Горошко был честным, трудолюбивым, инициативным работником. Но сейчас он похож на загнанную лошадь. Горошко «затуркан» бесконечными указаниями, приказами, угрозами, проработками. Он привык к тому, что от районного руководства ничего хорошего ждать не приходится, все равно обругают, а помочь не помогут — «хоть круть-верть, хоть верть-круть». И не чувствуя себя хозяином колхоза, Горошко покорно плетется на поводу у Калиберова и Мошкина. Возразить им, отстоять свою точку зрения — на это у него не хватает характера. Эта покорность и страх перед начальством оказались в Горошко сильнее его совести, и, может быть, не сознавая до конца серьезности своего проступка, он пошел на аферу с квитанциями: «Не будет такой горячки — и мне вольнее».

Стала уже дежурной фраза о том, что в комедии положительные герои — унылые, безжизненные фигуры. Вопреки этому установившемуся стандарту, с радостью отмечаешь: положительная героиня пьесы А. Макаёнка Ганна Чихнюк — образ живой, привлекательный, правдивый. Не декларациями и скучными поучениями занимается в пьесе Ганна. В боевом, горячем споре с противником — таком споре, в котором она берет верх своим запалом, убежденностью, хозяйской мудростью, в энергичных поступках раскрывается характер этой честной колхозницы.

Было бы неверно, поддерживая комедию молодого драматурга, обойти молчанием ее художественные недостатки. Первое, что бросается в глаза и огорчает в этой пьесе,—схематичность некоторых образов и ситуаций. Уже в самом начале, когда перед нами предстают пререкающиеся супруги Калиберовы и мы узнаем, что причина тому — «выговор с последним предупреждением», а затем выясняется, что раньше Степан Васильевич Калиберов занимал видную должность в Минске, но там его «не оценили», — вспоминаешь: с подобной ситуацией ты уже хорошо знаком, как знаком и с фигурой глупой, болтливой мещанки Антонины Калиберовой.

Разоблачение «героев» в пьесе А. Макаёнка происходит двойным путем: председателя Горошко заставляет признаться в незаконных действиях Ганна Чихнюк; с другой стороны, обман обнаружил прокурор Курбатов, зять Горошко. Возможно, что автор хотел этим подчеркнуть неизбежность такого исхода. Однако, если поступок Ганны подготовлен развитием ее характера, то действия прокурора, выступающего в пьесе не как личность, а как представитель закона, формальны, навязаны извне. Поэтому развязка комедии не воспринимается как художественный итог показанных событий, столкновений людских характеров.

Хочется указать автору и на погрешности в композиции пьесы. В ней есть сцены лишние, только замедляющие развитие конфликта, задерживающие его разрешение. И персонажи, ради которых эти сцены написаны,—Наташа Горошко, прокурор Курбатов, корреспондент областной газеты Ольга Гардиюк, — не нужны в комедии, можно убрать их — и ничего не изменится.

Следует упрекнуть автора и переводчика Г. Штайна в недостаточной чистоте языка пьесы. Досадно, когда в тексте встречаются избитые выражения, дешевые остроты.

То хорошее, что есть в комедии А. Макаёнка, обязывает автора взыскательнее относиться к художественной форме, в которую воплощены жизненные наблюдения молодого драматурга.

Н. ИГНАТЬЕВА

В. ЕРМИЛОВ

О НАРОДНОСТИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

II.

Значительна перекличка русской литературы социалистического реализма с русской литературой критического реализма в решении темы **народа и личности.**

В «Евгении Онегине» критике подвергалось не только дворянское общество, но и сам герой, критикующий это общество. **Народность,** если она реальна, не может не влечь за собою критику всех проявлений оторванности от народа. Так возникла трагическая тема одинокой личности, созревшей в своем духовном развитии до внутреннего разрыва с верхами и, вместе с тем, далекой от народа, от народного характера, от всего народного строя цельных, глубоких чувств, — личности, воплощавшей прогрессивное, критическое начало, но, вместе с тем, разъедаемой индивидуализмом, бесплодным скепсисом, — тема «лишнего человека». **Народная** тема выступала в «Евгении Онегине», как **лирическая** тема, сплетаясь с поэтизацией народного и национального начала в образе героини.

В «Евгении Онегине» есть отзвук и другой большой пушкинской темы, связанной лишь косвенно с образом героя поэмы.

Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами — себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно,
Нам чувство дико и смешно.

Значение «наполеоновской» темы в русской литературе,—темы, начатой Пушкиным,— разоблачение сверхличности, ставящей себя над народом,— также может быть понято только с точки зрения народности литературы. Образ человека «наполеоновского» склада, честолюбца и себялюбца, авантюриста, игрока, цинично рассматривающего миллионы людей лишь как орудие для своих целей, образ буржуазного человека, хищника, приобретателя связывался с образом Наполеона и у Пушкина, и у Гоголя, и у Лермонтова, и у Толстого.

«Наполеоновская» тема русской литературы проявляется во многих вариантах: сюда относятся такие образы, как образ Германна, в котором прямо подчеркнуто сходство с Наполеоном, образ Арбенина в лермонтовском «Маскараде», образ денежного человека — Чичикова, в котором также подчеркивается в сатирически-пародийном звучании сходство с Наполеоном. Л. Толстой, подчинявшийся **народной мысли**, которая, по его словам, владела им в работе над «Войной и миром», подразделяет всех персонажей своей эпопеи, руководствуясь критерием их народности или ненародности, и, например, такой персонаж, как Борис Друбецкой, с его расчетливым карьеризмом, противонародный по всей своей природе, овеян холодной «наполеоновской» атмосферой и принадлежит к числу тех персонажей, которые выключаются из поэтической атмосферы героической эпопеи.

Одно из наиболее глубоких проявлений народности и всей специфики развития русской литературы сказалось в том историческом факте, что после памятников героического народного эпоса только русская литература смогла создать героическую эпопею. Мировая литература нового времени, догорьковского, досоветского периода знает лишь два произведения, принадлежащие к жанру романа-героической эпопеи: «Тарас Бульба» и «Война и мир». «Тарас Бульба» явился, после народного эпоса, первым произведением мировой литературы, главным, активно действующим лицом которого является сам **народ.**

В развитии народности русской литературы Гоголь, объективно выразивший своим творчеством переход от этапа дворянской революционности к новому, разночинскому периоду русского освободительного движения, сделал следующий шаг вперед, вслед за Пушкиным. Это сказалось в качественном усилении и критического и эпического начал русского реализма. Чрезвычайно значительной особенностью русской литературы критического реализма следует признать то, что усиление ее критического начала шло вместе с усилением эпического начала, как две стороны одного процесса: усиления народности литературы.

Жанр героической эпопеи может достигнуть расцвета лишь в литературе **социалистического** реализма. Если в литературе прошлого героическая эпопея могла возникать только на основе национального подъема, вызывавшегося национально-освободительной, справедливой войной, то литература социалистического реализма повествует о всей жизни народа, ставшего творцом истории. И «Хорошо!» В. Маяковского, и «Тихий Дон» и «Поднятая целина» М. Шолохова, и «Молодая гвардия» А. Фадеева, и «Железный поток» А. Серафимовича, и «Чапаев» Д. Фурманова, и «Как закалялась сталь» Н. Островского, и «Знаменосцы» О. Гончара, в разной мере, принадлежат к жанру эпопеи. Возможность создания советской героической эпопеи была чрезвычайно облегчена тем, что русская литература XIX века сумела установить традиции героико-эпического повествования.

Глубокой значительностью отличается **тема отщепенства** в повести Гоголя. Автор постепенно подготовляет читателя к возможности измены Андрия, обосновывая эту возможность тонкой и глубокой разработкой ненародности его характера, противопоставляя образ Андрия **народному характеру,** выраженному в собирательном образе Сечи. Противопоставление характера Андрия народному характеру оказывается, вместе с тем, одним из вариантов противопоставления демократичности запорожского войска — барству и холопству войска иноземных завоевателей. Контраст между демократичностью войска запорожцев и барством шляхты служит в повести главной чертой различия двух сражающихся лагерей. Гоголь прослеживает этот контраст во всем, начиная от внешнего облика того и другого войска и поднимаясь до прямого противопоставления демократизма и аристократизма, как двух укладов жизни. Наряду с собирательным образом Сечи, Гоголь создает и собирательный образ противостоящего ей захватнического войска.

В народном характере художник подчеркивает черты цельности, глубины. Историческое действие, совершаемое народом, основательно, глубоко, и характеры людей, участвующих в этом историческом действии, основательны и глубоки. Шляхта неосновательна, заносчива, кичлива, опрометчива, легковесна,— таков и весь облик ее войска: в этих чертах выражена тема **авантюризма,** исторической неосновательности, противонародности всей той завоевательной акции, во имя которой поднялось это войско. Нет глубины и основательности народного характера у Андрия. Все его спесивое, опрометчивое, легковесно-самонадеянное поведение в бою, столь противоречащее поведению в бою запорожцев, весь облик Андрия оказываются **совпадающими с обликом иноземного захватнического войска**, на службу к которому перешел Андрий. **Выпадая из образа Сечи, образ Андрия сливается с обликом чужеземного войска.** Этим подчеркивается и авантюристичность всей судьбы Андрия, и авантюристичность самого этого войска. Здесь по-новому развивается пушкинская тема; образ Андрия перекликается с созданными Пушкиным образами авантюристов-отщепенцев, переходящих на службу к чужеземцам. Сама возможность постановки таких тем и их глубокого идейно-художественного решения служит одним из выражений своеобразия русской литературы. Сама тема отщепенства от народа в столь глубоком звучании могла иметь место только при наличии большой эпической, героической темы.

Эпический образ возмущенного народа, возникающий в поэзии Некрасова, явился новой ступенью в развитии народности русской литературы. Глубокая внутренняя связь между развитием эпического и критического начал в русской литературе, с одной стороны, придавала особый размах и силу критическому направлению, а с другой стороны, освещала критику действительности положительным моментом, образом народа, образом положительного героя.

Передовые дворянские писатели выразили устремление к народу. Революционно-демократические писатели выступали уже от имени народа, выдвинув образ массового человека, как истинного героя литературы.

Среди некоторой части критики было распространено представление о Рахметове, как об особой, исключительной, титанической личности, высоко возвышающейся над толпой. Чернышевский совершенно иначе смотрел на своего героя. В одном из своих наиболее замечательных писем, посвященном второй части романа «Что делать?», Чернышевский писал:

«Общая идея второй части: показать связь обыкновенной жизни с чертами, которые ослепляют эффектом неопытный взгляд,— изложить истину, что у Наполеона или Лейбница тоже как и у всех людей были две руки, две ноги, нос, два уха, а не то что уж пять голов как у Брамы или сто рук, как у Шивы.— У меня так и подделано: и Рахметов, и дама в трауре на первый раз являются очень титаническими существами, а потом будут выступать и брать верх простые человеческие черты, и в результате они оба окажутся даже людьми мирного свойства, и будут откровенно улыбаться над своими экзальтациями».

В образе Рахметова Чернышевский стремился одновременно утвердить и идеал человека и ту истину, что каждый обыкновенный человек может стать таким, как Рахметов; он ставил задачей в своем романе показать лестницу, по ступеням которой каждый может подняться до идейной и нравственной высоты Рахметова. Подчеркивая, что Рахметов является человеком незаурядным, передовым, Чернышевский, вместе с тем, не отделял его от массы, а стремился доказать, что Рахметов представляет в наиболее сгущенном, чистом, законченном виде то лучшее, что есть у нее. Поэтому Рахметов и связан органически со всей композицией романа, а не является «вставным лицом», как утверждалось не так давно в одной из критических статей. Так же, как и Добролюбов в таких его работах, как «О степени участия народности в развитии русской литературы», «Что такое обломовщина?» и другие, — Чернышевский прямо и непосредственно полемизирует с культом личности, выступает против обожествления великих людей, иронизируя над пятью головами Брамы и ста руками Шивы. Писатели и критики революционно-демократического лагеря утвердили идейно-эстетический принцип, являющийся и принципом социалистического реализма: личность тем своеобразнее, ярче, индивидуальнее, значительнее, чем непосредственнее и прочнее ее связь с народной массой.

Горький явился первым художником во всей мировой литературе, главным героем всего творчества которого стал **сам народ,** вступивший, во главе с рабочим классом и Коммунистической партией, на путь сознательного творчества истории. Горький на новом идейно-историческом уровне решил проблему сочетания героического, эпического начала с гуманистической защитой «маленького человека». В его произведениях эпическое величие народа утверждается в исполинской революционной борьбе, возглавляемой Коммунистической партией, в богатырском народном труде.

Исключительным своеобразием отмечена эпопея «Жизнь Клима Самгина». Если в таких произведениях, как пьесы «Мещане», «Враги», роман «Мать», автобиографические повести, рабочий класс, русский народ выступает прямо и непосредственно в качестве главного героя произведения, то в повести «Жизнь Клима Самгина» на авансцене находится,— употребляя горьковскую характеристику, — «буржуазный интеллигент средней стоимости». Все события, изображаемые в повести, даны как бы его глазами, в его восприятии и осознании. И в самом деле, Горький ставил в своей повести ту задачу, которую он сформулировал в своей статье «Разрушение личности»: показать, что личность, противопоставляющая себя народу, разрушается, теряет все человеческие связи. **Сверхличность — это безличность:** такова мысль Горького.

Художественное своеобразие «Жизни Клима Самгина» заключается, в числе прочего, в замечательном сочетании эпопеи с сатирой. Весь образ Клима Самгина является внутренне-сатирическим, весь он окрашен скрытой авторской иронией. Эта ирония выражена и в самой композиции, и даже в самом названии повести. Самгин полон иллюзий об особости, избранности, исключительной самостоятельности, полной независимости — **самостности или самости** своей личности. Народная масса представляется ему лишь служебным материалом для сверхличностей, призванных делать историю. Но в стороне от Клима Самгина народ — эта, с его точки зрения, слепая масса, — реально делает историю. Все события, изображенные в произведении, все, что беспокоит Самгина, лишая его ощущения прочности жизни, являясь объектом его рефлексии,— все это определяется именно народом, в первую очередь рабочим классом, и, начиная с периода перед революцией 1905—1907 гг., партией рабочего класса, воплощенной в таких значительных образах, как Кутузов, большевики — рабочие и интеллигенты, участники баррикадных боев в Москве. Именно народная масса на деле оказывается силой, которая и его, самого Самгина, неуклонно отодвигает куда-то в задний угол, на задворки, пока, наконец, просто не выбрасывает совсем из жизни,— по выражению Ленина,— «пинком солдатского сапога». Контраст между иллюзорной уверенностью Клима Самгина в своей самостоятельной, «вождистской» роли в истории, в значительности своей личности, в безличности, пассивности народной массы — и реальностью выражен во всем ходе сюжета. Пытающийся «возглавить» события, стать над ними, Самгин ходом событий отбрасывается в социальное небытие. Его положение в композиции произведения чрезвычайно своеобразно. Сквозь пустоту его личности проходят великие исторические события, проносится жизнь. Ирония над Самгиным, заключенная в самой композиции, и заключается в том, что, в сущности, перед нами развивается героическая жизнь и борьба русского народа за четыре десятилетия, в то время как Климу Самгину видна только **жизнь Клима Самгина.**

Образ Самгина очень широк по своему обобщающему значению, его социальное содержание отличается чрезвычайной емкостью, сюда вмещаются разнообразные варианты того типа «сверхличности», главной, определяющей чертой которого является стремление примкнуть к революционному движению только для того, чтобы стать над народом. Горький гениально уловил этот общественный тип. О нем говорит Кутузов:

«— Мне кажется, что появился новый тип русского бунтаря,— бунтарь из страха перед революцией».

Самгин все острее и тревожнее чувствует силу революционного рабочего движения, силу Ленина и его партии,— и именно это заставляет его, против своей воли, принимать участие в революционном движении, руководствуясь формулой, которая «у Самгина сама собою сложилась...:

— Революция нужна для того, чтобы уничтожить революционеров».

Самгины — это те, которые стремятся возглавить революцию, чтобы обезглавить ее.

Наедине с самим собой Самгин рассуждает с полной откровенностью:

«...историю двигают, конечно, не классы, не слепые скопища людей, а — единицы, герои... Марксизм не только ограничивал, он почти уничтожал значение личности в истории. Это умонастроение слежалось у Клима Ивановича Самгина довольно плотно, прочно, и он свел задачу жизни своей к воспитанию в себе качеств вождя, героя, человека, не зависимого от насилий действительности».

Это **самгинское умонастроение** выражает в еще более гнусно-откровенной форме другой «интеллигент средней стоимости»— Воинов, которому Горький, видимо, присвоил иронически эту фамилию потому, что этот воинственный «земгусар» принадлежал к тем, кто хотели во что бы то ни стало заставить солдат продолжать империалистическую войну: «...Существует меньшинство, творящее культуру, и большинство, которое играет в этом процессе роль подчиненную, механическую. Автоматы. Физическая сила. Но, в то же время,— Спартак. Стенька Разин. Почти непрерывный Разин... Личность должна расти и возвышаться, не опираясь на массу, но попирая ее...»

Раскрыв в конкретных художественных образах всю глубокую враждебность народу, показав социально-идейные корни культа избранной личности, Горький углубил тем самым главную, коренную тему, пафос всего своего творчества: утверждение решающей роли народа в истории. Единство партийности и народности в «Жизни Клима Самгина» с особенной силой сказывается в том, что, издеваясь над «вождями» самгинского типа, Горький высоко поднял в своей эпопее образ действительного вождя народа — Ленина,— как живое воплощение всей, бурлящей революционным гневом, могучей народной массы, являющейся истинным героем произведения. Образ Ленина живет в образе ленинца Кутузова, в самой манере речи которого Горький отчасти воспроизводит некоторые черты ленинской речи, образ Ленина живет в разговорах о Ленине различных персонажей, в ясно ощутимой связи революционных событий, изображенных в эпопее, с Лениным, с его волей и разумом. Невидимый Ленин возглавляет революцию, и сила его — в живой, неразрывной связи с народной массой.

Значение мудрой горьковской эпопеи является актуальным и в политическом, и в идеологическом, и в эстетическом отношениях. «Философские» взгляды Самгина во многом совпадают с разнообразными концепциями современной «философии» империализма, подобными так называемому «персонализму», с их циничным презрением и ненавистью к народной массе, превознесением сверхличности, супермена, «предназначенного» играть роль «вождя» и «господина» над народом и всем человечеством. С точки зрения эстетической, для современной советской литературы особенно важно учиться у Горького умению воплотить многообразный, конкретно-ощутимый, художественно-реальный **образ народа,**— даже и в таких произведениях, где на авансцене находится персонаж, враждебный народу.

Многообразие и художественная реальность образа народа в горьковской эпопее достигаются, в частности, множеством индивидуально-характерных, ярко-своеобразных, метких, неожиданных, острых, поистине народных словечек, реплик, высказываний, часто поднимающихся до высоты великолепных афоризмов. Это богатство народной мудрости, народного языка рассыпано по всему роману в таком множестве и отличается такой характерностью, что, вместе со множеством отдельных конкретных образов людей из народной массы, перед нами возникает **народный характер.** Некоторые из этих реплик, замечаний, высказываний начинают играть роль лейтмотива. Так, наряду с фразой, окрашивающей скептическим серым налетом весь образ Клима Самгина: «Да— был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?»,— в романе проходит лейтмотивом фраза горбатенькой девочки: «Да— что вы озорничаете?»,—фраза, входящая в характеристику отношения народной массы ко всяческим «господам». Изучение художественных способов, которыми достигается в «Жизни Клима Самгина» многосторонность и реальность собирательного образа народа, является весьма важной задачей специального исследования. Мы приведем только один пример из финала эпопеи, где Горький дает замечательный по своему разнообразию и характерности образ толпы в февральские дни 1917 года, собравшейся около Государственной Думы, куда грузовики привозят арестованных царских генералов, министра, чиновников. Образ толпы у Горького является исключительно богато индивидуализированным, — именно эта индивидуализированность, отличия в языке, манере речи и создают живой собирательный образ народной толпы.

Вот в толпе зашел разговор о монахах из Александро-Невской лавры, накопивших целые склады всякого продовольствия и отказавшихся помочь хоть мешком ржаной муки матерям с детьми, умирающими от голода. Человек, рассказавший об этом, восклицает:

«...Богу служат, а?

Его поддержали угрюмые голоса.

— Да-а, все богу служат, а человеку — никто!

— Ну, человеку-то мы служим, работаем...

— Путилов — человек все-таки.

— Парвиайнен...

— Много их...

— Народу — никто не служит, вот что! — громко сказала высокая, тощая женщина в мужском пальто.— Никто, кроме есеровской партии.

— А большевики?

— Они сами — рабочие, большевики-то.

— Много ли их?

— Мальчишки, мелочь...

— Мелкое-то бывает крепко: перец, порох...»

Умение выбрать именно такие реплики, каждая из которых выражает народное размышление, раздумье над самым главным, коренным в жизни, а не о случайном или второстепенном; умение передать эти **мысли о главном** в коротких фразах-репликах, за которыми встают индивидуальные характеры, дающие образ народного характера, народного склада мышления, народного мудрого афористического юмора,— все это делает приведенный отрывок поистине шедевром горьковского художественного мастерства. Идейно-тематическое богатство этого маленького отрывка очень велико. Великолепен разнообразно варьируемый мотив **служения;** первая его вариация — служение богу, противопоставленное служению человеку; слово **служение** сразу подхватывается в ином значении: работа на хозяина; однако такое «служение человеку» отвергается сомнением в том, можно ли считать **хозяев — людьми;** далее мотив служения переходит в мотив служения народу: бедно одетая женщина повторяет явно не свои, внушенные ей слова о том, что только «есеровская» партия служит народу; однако на вопрос о большевиках она сама — или кто-то другой в толпе — дает такой ответ, который мгновенно взрывает, зачеркивает, показывает чуждость самой этой женщине ее предыдущих слов об эсеровской партии:— **большевики — сами рабочие;** следовательно, когда речь идет о **служении** эсеров народу, то подразумевается, что они — не народ, что народ для них — кто-то иной, чужой; слово **служение,** являющееся в устах бедно одетой женщины, несомненно, отзвуком эсеровской пропаганды, возвращается к своему церковному значению, которое только что было разоблачено в своей фальши человеком, рассказавшим о том, как монахи, служащие богу, отказались подать кусок хлеба детям, умирающим от голода; будучи сопоставлено с этим служением богу, эсеровское служение народу уже тем самым разоблачено в своей высокопарной фальши; в словах женщины, сочувственных по отношению к эсерам, слышится отзвук умиления перед господами, снизошедшими до служения народу; большевики же — это и есть сам народ; и, наконец, великолепно-афористично замечание о том, что мелкое бывает крепким: перец, порох...

Весь этот обмен острыми, метко схватывающими самое главное, стреляющими репликами светится удивительным **горьковским, народным** чутьем к языку, ко всем смысловым значениям и оттенкам слова. Слово **служить** возникает здесь и в религиозном значении, и в противопоставленном ему значении **служения человеку,** и в значении **службы** — работы на хозяев, и в значении риторически-высокопарной, фальшивой фразеологии фальшивых «друзей народа». **Народ-языкотворец** глубоко чувствует богатство слова. Мы всегда конкретно ощущаем у Горького, как развивается живая мысль народа, как поистине **творчески** схватывается, воспринимается одна реплика и вызывает другую, как одна мысль порождает и обогащает другую. Народная масса — живая, творческая среда, она не статична, она живет большой, разнообразной жизнью. И именно такой, живой и активный, образ народной массы и является главным образом всей горьковской эпопеи.

НАЛОГИ, НАЛОГИ, НАЛОГИ...

Тяжело приходится рядовому американскому налогоплательщику. Обдирают его, как липку. И кем бы он ни был — городским жителем или фермером, — его ожидает одна и та же участь: нищета.

Вот рисунок (№ 1) из американской газеты «Атланта конститьюшн». Два озабоченных собеседника — они символизируют городское и сельское население Соединенных Штатов — горестно разводят руками: — Чорт возьми, деньги куда-то исчезают!

Рисунок 1.

— Чорт возьми, деньги куда-то исчезают!

Рисунок из американской газеты «Атланта конститьюшн».

О том, куда именно исчезают деньги, рассказывает рисунок американского художника Джорджа Пека (№ 2). Как загнанный зверь, испуганно прижался к стенке несчастный налогоплательщик, а со всех сторон к нему тянутся алчные руки...

Гонка вооружений поглощает огромные средства. Министр финансов США Хэмфри, выступая недавно на открытии съезда ассоциации американских банкиров в Вашингтоне, признал, что более 70 процентов расходов США идут на военные приготовления. По словам Хэмфри, на эти цели каждую неделю расходуется «около одного миллиарда долларов»! Не удивительно, что прямые налоги в Соединенных Штатах возросли по сравнению с 1937/1938 бюджетным годом более чем в 12 раз.

Рисунок 2.

Рисунок американского художника Джорджа Пека, опубликованный в журнале «Фарман».

Недавно газета «Балтимор сан» поместила рисунок, очень точно передающий ощущения и состояние «среднего американца» образца 1953 года.

...Выжженный песок с надписью «Великая американская пустыня». Раскаленное, нещадно палящее солнце, символизирующее «стоимость жизни». Полумертвый от жажды американский налогоплательщик, напрягаясь из последних сил, ползет по горячему песку. Вдали дразняще плещутся волны — очередное лживое обещание правительства снизить налоги. «Надеюсь, что это не просто мираж» — называется рисунок.

А вот и другая карикатура (№ 3), отражающая все те же мечты об облегчении невыносимого налогового бремени. Она была опубликована в американской газете «Албани никербокер ньюс». «Дядя Сэм» изображен здесь в виде доктора, выписывающего рецепт: «Измененные законы о налогах». Жалкая фигурка налогоплательщика одобрительно восклицает: — Хороший рецепт, доктор!

Рисунок 3.

— Хороший рецепт, доктор!

Рисунок из американской газеты «Албани никербокер ньюс».

Рецепт, может быть, и хорош, да только налогоплательщик радуется преждевременно. Недаром такой журнал, как «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», перепечатавший этот рисунок, высказал сомнение в том, что по рецепту удастся получить лекарство.

На облегчение бремени рассчитывать нечего! Эту мысль достаточно ясно выражает рисунок (№ 4), взятый нами из американской газеты «Крисчен сайенс монитор».

Рисунок 4.

Требуется высокое мореходное искусство...

Рисунок из американской газеты «Крисчен сайенс монитор»

С одной стороны Сцилла — мечты о снижении налогов, с другой стороны Харибда — ассигнования на гонку вооружений, стыдливо именуемые «необходимыми расходами на оборону». «Требуется высокое мореходное искусство», — гласит подпись под этим рисунком. А мораль напрашивается сама собой: «Потерпите, затяните пояса потуже! Сами видите, как трудно нам править государственным кораблем, — того и гляди расшибешься!»

Тяжело приходится американскому налогоплательщику!

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

«Обработка» умов

Под таким заголовком «Военный журнал» итальянского министерства обороны поместил некоторое время тому назад статью на шести страницах за подписью «Триариус».

То, что военный журнал пропагандирует войну, неудивительно. Интересно другое — как он ее пропагандирует.

Заметив, что необходимо «вновь одеть в панцырь наши умы», автор статьи прямо заявляет, что нужно подготовить ум солдата к ведению не просто войны, а войны против Советского Союза... И тут же объясняет причину подобной «необходимости» — ведь Италия является участницей Атлантического блока и собирается еще войти в так называемое «европейское оборонительное сообщество»...

Есть, однако, одно «но»... Неизмеримо выросли сознательность и политический опыт итальянского народа.

«Раньше, — замечает «Триариус», — солдаты шли на войну без рассуждений: достаточно было одной речи д'Аннунцио!».

Сейчас же, с грустью заключает автор, становится все труднее и труднее объяснять массам «необходимость» войны.

«Поэтому, — пишет «Триариус», — следует всячески усилить моральную подготовку солдата к «данной войне», то есть к антисоветской войне...».

Но ведь именно такой войны и не хочет итальянский народ, который желает жить в мире и дружбе с другими народами.

И тут расторопный «Триариус» нашел выход из положения. «Мы живем в эпоху, — заявляет он, — когда рекламирование товаров получило гигантский размах; его действенность базируется даже на научной основе (не нужно забывать, что при составлении реклам особо учитывается психология индивидуума и толпы), и на него не жалеют средств». И «Триариус» предлагает использовать этот богатый опыт бизнесменов в деле психологической обработки умов для новой войны...

Мне думается, что синьор «Триариус» явно преувеличивает возможности американской рекламы. Напомним хотя бы, как в Италии позорно, несмотря на усилия заокеанских специалистов, провалилась реклама пресловутой «кока-кола», также базирующаяся на «научной основе». Не так, оказывается, легко заставить людей принять такую дрянь, как «кока-кола», за божественный нектар...

И если уж говорить серьезно, то вряд ли световая реклама «Триариуса» заставит итальянских солдат думать, что, погибая за интересы американских монополистов, они совершают патриотический подвиг... Нужно, однако, признать, что, пропагандируя новейшие методы подготовки к «данной войне», журнал итальянского министерства обороны не жалеет красок...

Джованни ДЖЕРМАНЕТТО

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

В американском реакционном журнале «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» 18 сентября 1953 года была помещена корреспонденция из Японии, начинающаяся словами:

U.S. News & World Report

TOKYO — Japanese feeling against America — and American bases — is sad[dening] U.S. officials here with a real worry.

«ТОКИО. Недовольство японцев Америкой и американскими базами внушает серьезное беспокойство находящимся здесь американским должностным лицам».

В заключение корреспондент пишет:

«Американские должностные лица думают, что скоро американцы могут стать так же непопулярны в Японии, как англичане непопулярны в Египте».

Комментарии излишни!

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

Алэн Боскэ рассуждает о поэзии...

Перед нами французская реакционная газета «Комба», номер от 24 сентября. Читаем статью некоего Алэна Боскэ о поэзии. Автор статьи, начиная с рассуждений о предполагаемом читателе стихов, которого он именует «человеком с улицы», пишет следующее:

«Политика, общественный строй или социальная революция, простые понятия родины и человеческого достоинства волнуют его теперь весьма мало. Наука и прогресс утратили свой ореол. Всякое действие, всякое решение сделалось если не подозрительным, то, по крайней мере, спорным». Алэн Боскэ не советует поэтам обращаться к таким «устарелым» темам, как родина, человеческое достоинство, наука, прогресс, действенная борьба за свои права.

Что же должна делать поэзия и должна ли она существовать вообще?

Критик не отрицает необходимости существования поэзии, но оставляет за ней единственную функцию: фабрикацию зауми и лжи... «Мало-помалу, — рассуждает Алэн Боскэ, — он («человек с улицы». — **Н. Р.**) начинает обращаться ко лжи, которая никогда не претендовала на то, чтобы слыть за истину, к чудесной лжи, которая превосходит правду, лжи, которая не сулит ничего осязаемого и которая величественно желает оставаться бесполезной... Человек не отказывается более от того, чтобы поэзия бесцельно и бесполезно открывала ему бесцельные и бесполезные истины, которые он принимает тем более охотно, что они ему ничего не обещают».

Алэн Боскэ пользуется своими же советами. Он лжет. Он клевещет на честных, простых французов, любящих поэзию правды жизни.

В чем же смысл статьи Алэна Боскэ, призывающего литераторов лгать и создавать «бесцельные и бесполезные» произведения? У этих призывов к «бесцельности» есть определенная цель. И от «бесполезных» произведений ожидают немало пользы те, кому весьма хотелось бы, чтобы «понятия родины и человеческого достоинства» были утрачены простыми людьми Франции, чтобы слово поэтов перестало призывать французский народ к борьбе за мир, за демократические права и национальную независимость. Тщетные надежды!

Рост французской прогрессивной поэзии, укрепление ее связей с народом — вот что вызывает клеветнические маневры Алэна Боскэ и ему подобных.

Летом этого года прогрессивный парижский журнал «Эроп» выпустил специальный номер, посвященный памяти выдающегося французского поэта Поля Элюара. Помимо воспоминаний и статей, принадлежащих перу известных литераторов, журнал опубликовал многочисленные письма простых читателей. Эти письма — драгоценное свидетельство горячей любви французских трудящихся к своему поэту. Их нельзя читать без глубокого волнения и гордости за французскую прогрессивную поэзию и ее читателей.

«Поль Элюар — наш поэт, — пишут рабочие порта Бизерта, — его стихи — это наше достояние, наше оружие, в них наша надежда на лучшую жизнь; и мы сделаем ее лучше, что будет одновременно и лучшим способом почтить память поэта; следуя его примеру, мы добьемся осуществления его надежд, мы, так же как и он, полны веры в свои возможности...»

Поэзия — оружие. Поэзия — воплощение народных надежд. В этих словах — итог долгого и трудного развития не только творчества Поля Элюара, но и всей французской прогрессивной поэзии, в них — высокая оценка работы поэтов старшего поколения, в них — призыв к молодым поэтам крепить связи поэзии с жизнью, быть голосом народа.

Н. РАЗГОВОРОВ

Перспективы „Перспектив США“

Можно было бы составить объемистую хрестоматию под названием «Ами, го хоум!» В нее вошли бы карикатуры немецких и французских художников, стихи японских поэтов, кадры итальянских фильмов, гневные шутки, которые создаются устным творчеством народов...

С ростом антиамериканских настроений в Западной Европе непосредственно связано создание нового американского журнала «Перспективы США». Он издается на четырех языках на средства «фордовского фонда» и предназначен для Европы. В нем сотрудничают реакционные американские литераторы. Цель журнала — воздействовать на ту огромную часть западноевропейской интеллигенции, которая с презрением отворачивается от грубой пропаганды американского радио, голливудских фильмов и иллюстрированных журналов.

В целях маскировки, впрочем, достаточно явной, журнал этот даже слегка поругивает голливудские фильмы и серии «комиксов» за то, что они создают у европейцев представление о США как о стране «позолоченного варварства».

Пропаганда «американского образа жизни» и проповедь космополитизма, запрятанная среди заумных статей об абстрактной живописи или атональной музыке, ведется на страницах «Перспектив США» более тонко. Более тонко, но все же недостаточно тонко.

Именно это обстоятельство и побудило швейцарский еженедельник «Ди вельтвохе» напечатать статью Георга Герстера «Миллионы на культуру».

На первый взгляд, может показаться, что Герстер отважился выступить с критикой этого журнала. «Несмотря на огромные затраты, — пишет он, — три вышедших в свет номера... производят впечатление выстрелов в пустоту».

Но это заявление не более, чем маскировка истинного назначения статьи. «Неоспорима желательность той пропаганды, которой служит журнал», — пишет Герстер. Он рассыпает комплименты издателям и авторам «Перспектив США» за их «благородную и плодотворную разъяснительную работу», такую необходимую «при волне антиамериканских настроений, которая захлестнула сейчас Европу...» Попутно Герстер намекает издателям «Перспектив США», что их «благородная и плодотворная разъяснительная работа» ведется грубо, и дает им советы, как добиться большего успеха.

Георг Герстер сочувственно характеризует «идейную платформу» нового журнала. «Перспективы США» устами Лайонела Триллинга утверждают, что американская интеллигенция примирилась с окружающей ее социальной действительностью. Герстер, пересказав это утверждение, поддакивает. «Самый разительный пример завершения старого спора между интеллигенцией и экономической системой, — пишет он, — являет собой сам журнал «Перспективы США», который мог появиться только благодаря пожертвованию более чем 80 миллионов франков из фордовского фонда» *.

Пример, действительно, разительный! Только иллюстрирует он совсем не то, что хотелось бы Герстеру. «Перспективы США» — орган ренегатов, орган той части американской интеллигенции, которая продалась буржуазии. Стыдливо назвав этот акт купли-продажи «завершением старого спора между интеллигенцией и экономическим строем», Герстер с умилением называет сумму очередной мзды.

Но потом он словно бы вспоминает о реальной обстановке в Западной Европе, словно бы спохватывается, что далеко не все читатели «Перспектив США» и не все читатели газеты «Ди вельтвохе» будут склонны вместе с ним умиляться трогательному единодушию, оплаченному серебрениками из фордовского фонда... Тема примирения интеллигенции и капитала, говорит он, «если смотреть на нее из Европы и отражать ее в журнале, рассчитанном на европейцев, производит впечатление случайности и несвоевременности».

Что и говорить, пропаганда растления интеллигенции с помощью долларов вряд ли может рассчитывать на особенный успех в Европе!

Лучшая часть европейской интеллигенции, в том числе и передовая интеллигенция Швейцарии, знает и ценит тех американских деятелей культуры, которые не дали себя ни купить, ни запугать и имена которых, к слову сказать, даже не упоминаются на страницах «Перспектив США».

Далее Герстер расхваливает напечатанную в «Перспективах США» статейку о Гёте, хотя и не решается прямо процитировать самую чудовищную фразу из этой статьи: «Гёте был космополитом американской чеканки».

* В переводе на швейцарские франки. — Ред.

Рис. Бор. Ефимова

Затем он вновь переходит к советам, которые носят уже более частный характер, но все-таки не лишены интереса. Начав с лести поэтам, представленным на страницах «Перспектив США», он робко советует издателям не увлекаться публикацией заумных стихов, безразличных, как вынужден признать он, даже большинству американских читателей.

Он просит, по возможности, отказаться от манеры высказывать банальности тем важным тоном, «который скорее производит впечатление оскорбления, чем дружелюбия по отношению к цивилизованному читателю». Он рекомендует нанять европейских сотрудников и поучиться у двух космополитических изданий — журнала «Монат», выходящего в Западном Берлине, и парижского журнала «Прев» — тому, «чего можно добиться сделкой между Америкой и Европой, осуществленной на основе взаимности». «Сделкой», — черным по белому написано в статье. Да и вся она написана странной смесью из эстетских словечек и торговой терминологии. Герстер пишет, например: «Мировая литература является литературной коммерцией. Предложение должно подчиняться спросу».

О чем хлопочут американские издатели журнала «Перспективы США», совершенно понятно. Они силятся поднять акции «американского образа жизни» в глазах европейской интеллигенции. Факты ежедневно показывают, сколь неплодотворно подобное занятие. Перспективы у «Перспектив США» неважные.

Что же касается Герстера, то его статейка, которая начинается почтительным упоминанием количества долларов, израсходованных на «Перспективы США», заставляет вспомнить слова Марка Твэна: «Я впервые увидел, как люди ложатся в грязь и громко молятся долларам и владельцам долларов. Я, разумеется, знал об этом из газет, но ни разу еще не наблюдал в натуре»...

Сергей ЛЬВОВ

Албанские записи

Сергей ЮТКЕВИЧ

Мы едем по дороге в Шкодер. Это один из древнейших городов Албании, расположенный на берегу живописного озера. Крепость Розофат, возвышающаяся над ним, напоминает о тех временах, когда Шкодер был одним из оплотов венецианского владычества на севере Албании. Впоследствии, когда захватчики были изгнаны с албанской земли, они передоверили свое наследие католицизму, прочно уцепившемуся здесь, причем уже не за военные позиции, а окопавшемуся в соборах, иезуитских колледжах, в помещичьих домах.

Старый Шкодер — это и по сей день узкие улочки, куда выходят не фасады зданий, а толстые, почти крепостные стены с огромными, наглухо закрытыми воротами, ограждающие дома-крепости.

Для работы над фильмом мне нужно было осмотреть архитектуру и планировку старинных домов. С трудом достучались мы в один из них с помощью бронзовой колотушки в виде руки, подвешенной к воротам. Осторожно, озираясь, приоткрыл нам ворота маленький аккуратный старичок. Затем он впустил нас в типично итальянский, выложенный каменными плитами дворик и, изъясняясь на недурном французском языке, как любезный гид, провел в дом. Он был обязан это сделать, так как этот дом был оставлен ему только потому, что числился в отделе охраны памятников старины. Бывший владелец состоял при доме в должности вроде как бы хранителя, обязуясь перед государством содержать его в чистоте и неприкосновенности.

Дом этот поистине удивителен. В нем сохранились тончайшей резьбы деревянные потолки, панели и ставни, белые лепные камины-очаги, верхушка которых похожа на причудливо распустившийся цветок, старинные распятия и тусклые венецианские зеркала. Быт старой Албании XVII—XVIII веков предстает здесь во всей своей сумеречной и своеобразной красоте. Все это перемешано с курьезными образцами быта теперешних владельцев, характеризующими уже конец прошлого века и начало двадцатого. Здесь и чучело безвременно погибшей любимой хозяйской собачки, и лубочные турецкие картинки, и фотографии бесчисленных родственников — сыновей, внуков, племянников, оказавшихся в Египте, Турции и Италии.

Почти бальзаковская картина распада буржуазной семьи. Мертвечина, тишина, враждебность, прикрытая вежливой улыбкой и старомодным построением любезных французских фраз.

Мы вновь вышли в переулочек. Был вечер... Перезвоны колоколов кафедрального собора стлались, как синий дым жаровен...

Мы вышли на просторную площадь и поднялись по ступеням кафедрального собора. Месса еще не началась. Мимо нас юркнул церковный служка — мужчина неопределенного возраста с резким шрамом на шее.

— Обратите внимание на этого Квазимодо, — сказал мне мой спутник. — Он служил у фашистов, выдал наших. В него стреляли, вы видите след партизанской пули, но он оказался живуч. Мы потом судили его. Но вот он вышел из тюрьмы и теперь пристроился здесь. Ватикан взял его под свое крылышко.

Таков старый Шкодер. Но он уже ушел в прошлое. Новый Шкодер не здесь, он там, вокруг цементного завода, весело грохочущего под горой, возле новой фабрики для ферментации табака, где в светлых цехах стоят станки-автоматы последней советской конструкции.

На берегу Шкодринского озера раскинулись опрятные белые корпуса научно-исследовательской и селекционной животноводческой станции. До освобождения эти земли принадлежали городским богачам; сейчас на сочных, заливных лугах разместились тридцать два дома, где живут работники станции. Они с гордостью покажут вам красавца-быка Карафиль, достигшего в двенадцатимесячном возрасте небывалого веса в 301 килограмм, расскажут об увеличившемся в три раза поголовье скота, принадлежащего станции, об опытах по скрещиванию ценных пород, о повышении удойности коров, словом, обо всем, что так важно для животноводства Албании.

Старый Шкодер с его двадцатью семью мечетями и восемью церквами окружили, теснят новые дома рабочих и ремесленников. Подъезжая к городу, я обратил внимание, что на многих из них крыши украшены десятками белых платочков, развешанных, как сигнальные флаги на мачте. Оказывается, по албанскому обычаю, когда построено новое жилье, все друзья владельца дома приносят ему в подарок такие платки. Они вывешиваются над крышей, как бы сигнализируя о новоселье, но поступают затем в собственность не владельца дома, а строителя, как почетная премия за его труд.

Шкодер — один из культурных центров Албании. Кроме музея, с его ценными образцами национального искусства и памятниками древней иллирийской культуры, имеется прекрасный Дом культуры с многочисленными секциями. Мы присутствовали здесь на одном из концертов. Звучный и хорошо дисциплинированный хор исполнил произведения албанских и советских композиторов, задорные «валы» (народные пляски) показали юные пионеры, девушки и юноши с темпераментом читали по-албански и по-русски патриотические стихи.

В дни нашего пребывания в Шкодере его посетил коллектив самодеятельности города Корчи. Выступления гостей из Корчи глубоко взволновали нас. Хор и солисты не только замечательно спели народную албанскую свадебную песню, «Гимн труду», но и проникновенно исполнили песни других народов. Чудесно прозвучали на русском языке слова «Это русская сторонка» из народной песни «Родина», а маленькая смуглая девчушка с задорными черными глазами — Спанья Пипа удивительно тонко, с незаурядным мастерством пропела румынскую и китайскую песни. Любовь и внимание к культуре других народов являются очень характерной чертой для сегодняшней Албании. Это отражено и в репертуаре местного драматического театра, выросшего в профессиональную труппу из любительского кружка. На афише театра — и «Скупой» Мольера, и «Макар Дубрава» Корнейчука, и «Они выросли в боях» Ху Кэ, и «Заря» современного албанского драматурга Коль Якова. Театр возглавляется актером и режиссером Лец Шлаку.

«Скупой» Мольера, один из самых популярных спектаклей театра, уже несколько сезонов держится на сцене. Спектакль обязан этим интересному исполнению роли Гарпагона одаренным актером Зефом Юбани. Он играет свою роль остро и выразительно, и упрекнуть его можно, пожалуй, лишь в чрезмерной иногда гротесковости, в педалировании внешних черт образа. В такой трактовке, пожалуй, несколько виноват и режиссер, так как, поставив комедию реалистически, он почему-то центральный монолог Гарпагона разрешил экспрессионистическими методами, погрузив сцену в полную темноту и высветив лицо и фигуру актера лучом прожектора, что придало несвойственный комедии Мольера мистический оттенок.

В пьесе китайского драматурга Ху Кэ «Они выросли в боях» молодые албанские актеры показали умение перевоплощаться в образы другого народа. Особенно хорошо исполняет центральную роль Ши-тоу молодой талантливый актер Лец Бушати. Его сдержанная, такая китайская по существу, манера игры отличается тонкими психологическими переходами, строгий внешний рисунок роли сочетается с глубоким внутренним содержанием.

Но самая большая удача талантливого коллектива — это почин в исполнении пьесы Коль Якова «Заря» о классовой борьбе в современной албанской деревне.

Действие спектакля разворачивается в сельскохозяйственном кооперативе района Мердиты. Крестьянин-передовик Сокол, только что вернувшийся из поездки вместе с делегацией по Советскому Союзу, застает свой родной кооператив на перепутье. В его отсутствие кулаки и подкулачники, пользуясь трудностями, пытаются разложить кооператив. Бывший богатей (в хорошем исполнении Адема Кастрати) — этакий деревенский Егор Булычов. Этот человек болен и беспрерывно глотает какое-то лекарство; умирающий, но с такой же злобной жадностью цепляющийся за последние минуты жизни лишь только для того, чтобы задержать наступление нового, он мутит крестьян, подбивает бывшего служащего фашистской милиции на террористический акт против Сокола.

Превосходно обрисованы и все другие образы — сварливая, говорливая жена кулака, пастух с философическим складом ума, мальчонка-энтузиаст, проводник новой техники в кооперативе, лирическая пара юноши и девушки, для которых их будущее счастье неразрывно связано с успехами сельскохозяйственного кооператива.

Центральная сцена спектакля и наиболее удавшаяся театру — это общий сход крестьян. Собрания и заседания трудно играть на театре, если трактуются они, как некое безликое сборище персонажей, лишь аккомпанирующих сюжетным перипетиям основных героев. Драматургу же и театру удалось показать даже в самых маленьких, почти бессловесных ролях индивидуализированные, правдивые образы крестьян, с их мечтами, заботами и сомнениями. Некоторые эпизодические фигуры были настолько достоверны, что я заинтересовался биографией их исполнителей.

Действительно, оказалось, что кое-кто из актеров перенес на сцену свой недавний жизненный опыт. Так, например, роль одного из стариков исполнял пастух, всего только три года тому назад спустившийся с гор, пристрастившийся к театральному искусству сначала в качестве рабочего сцены, а затем выказавший актерские способности и вот уже год выступающий в эпизодических ролях.

«Заря» — это серьезная удача театра, стремящегося своим искусством участвовать в социалистическом строительстве своей страны. Недаром этот спектакль получил первую премию на смотре театральных коллективов республики.

Мы выехали из Шкодера рано утром, нам предстоял длинный путь до Берата. Через несколько часов пути, когда перед нами засинел силуэт горы Томори и уже показался лес нефтяных вышек города Сталин — крупного центра нефтяной промышленности, мы вышли из машины немного размяться.

Справа от дороги тянулись большие пространства плодородной земли, — это бывшие болота, ныне осушенные и превращенные благодаря заботам народного правительства в пахотные поля. По целине шел трактор со знакомой маркой СТЗ. Он шел, рассекая ее, как корабль, и сходство это усугублялось тем, что сзади на развороченные гребни черной жирной земли одна за другой садились белые чайки, прилетевшие с недалеких берегов Адриатики.

«Шум мир!» — тихо, как бы про себя, сказал мой спутник-албанец, оглядевшись вокруг и вдохнув теплый воздух. В переводе это значило: «Очень хорошо!». «Мир» по-албански — «хорошо».

И действительно, хорошо на этой мирной, красивой албанской земле, где, наконец, сбылась народная мечта о свободе, силе и счастье.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б03845.